

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

ОКЕАНСКИЙ
ПАТРУЛЬ

Океанский патруль

Валентин Пикуль

**Океанский патруль. Книга
вторая. Ветер с океана. Том 3**

«ВЕЧЕ»

1954

Пикуль В. С.

Океанский патруль. Книга вторая. Ветер с океана. Том 3 /
В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1954 — (Океанский патруль)

ISBN 978-5-4444-8869-0

Великая Отечественная война — на море! Здесь сражаются и против врага, и против беспощадной стихии. Здесь — ТРУДНЕЕ и ОПАСНЕЕ, чем на суше... И важно помнить одно — каждого из героев Северного флота помнят и ждут на берегу. Это — «Океанский патруль». Первый роман Валентина Пикуля. Одна из лучших военных саг XX столетия!

ISBN 978-5-4444-8869-0

© Пикуль В. С., 1954
© ВЕЧЕ, 1954

Содержание

Глава первая	6
«Мужичок и акробат»	6
С легким паром!	13
Стечение обстоятельств	18
Снова в строю	23
Прощание с берегом	27
Смятение	32
Друзья встречаются	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валентин Пикуль Океанский патруль. Книга вторая. Ветер с океана. Том 3

* * *

© Пикуль В. С., наследники, 2011

© Пикуль А. И., составление, комментарии, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Глава первая

«Мужичок и акробат»

Еще ранней весной 1944 года гарнизон был взволнован одним событием, в котором многие увидели предзнаменование чего-то недоброго и страшного. Дело в том, что в подвале Парккина-отеля нашли так называемого «крысиного короля» – странное и чрезвычайно редкое явление среди грызунов, когда несколько крыс срастаются вместе и вокруг них образуется целая крысиная колония.

Слухи об этом дошли до самого коменданта гавани, который велел крысиного короля публично предать огню.

Ранним утром 8 апреля, когда было получено сообщение о том, что советские войска вышли на государственную границу с Чехословакией и Румынией, крысиный король был брошен в громадный костер, разведенный на берегу бухты. Присутствовавший на церемонии комендант военной гавани Лиинахамари майор Френк громко сказал:

– То, что такая гадость нашла себе приют не где-нибудь, а именно под крышей Парккина-отеля, меня несколько не удивляет!..

Стоявшая неподалеку фрау Зильберт сделала вид, что не слышит. Она приняла слова коменданта на свой счет, потому что майор Френк имел все основания ненавидеть ее. Фрау Зильберт самодовольно улыбнулась своим мыслям. Для женщины ее лет приятно, когда ее ревнуют. Но она не задумывалась: корветтен-капитан Ганс Швигер, командир подводной лодки, в одну ночь победил ее слабое женское сердце знакомой еще по мужу моряцкой грубостью и, конечно, своей славой, простиравшейся далеко за пределы Третьего рейха. Следовательно, думала беспечальная фрау Зильберт, майор Френк имел все основания говорить неприятные вещи про ее отель, злобствуя на потерю женщины, удобной во всех отношениях, а тем более в Лапландии, где найти свободную женщину трудно даже высокопоставленным лицам.

Но майор Френк, как старый солдат, забыл на минуту о личной утрате, когда говорил, что такая гадость могла свить гнездо только под крышей Парккина-отеля. Печенгская гостиница в представлении Френка являлась чем-то вроде больного нарыва, сидящего глубоко в теле дитмовской армии, который нельзя было вырезать, но опасно и раздавить, чтобы густой зловонный гной не разлился по всему фронту.

Таким образом, выразив свое отвращение к разврату, скрывавшемуся за толстыми стенами Парккина-отеля, комендант гавани Лиинахамари даже не подозревал, что его устами глаголет истина, более страшная и более жестокая, чем та, о которой он только что заявил во всеуслышание.

А это действительно было так.

Здесь, в этой гостинице, происходили тайные спекулятивные сделки, после чего машины с продовольствием, направляясь на передовые, пропадали бесследно на горных перепутьях; здесь проигрывали в карты свои отпускные удостоверения едущие в отпуск офицеры, а тыловики посредством каких-то загадочных махинаций умудрялись целыми месяцами отлынивать от службы; здесь в отдельных кабинетах день и ночь пьянствовали и развратничали офицеры, фамилии которых имели приставку «фон», выдававшую их благородное происхождение; здесь не раз грохотали по ночам выстрелы, а бывало и так, что фрау Зильберт не могла утром достучаться до своего постояльца, а когда взламывали дверь, то он уже висел под потолком с неестественно вытянутыми ступнями...

Гитлеровский фронт в Заполярье разлагался, и нигде это не было так заметно, как на примере Парккина-отеля. Недаром солдаты, проходя под окнами первого этажа, где размещался бар, говорили:

– Рыба с головы гниет...

* * *

Фон Герделер обладал способностью опытной, не раз битой кошки: жизнь могла бросать его вниз с какой угодно ступеньки, но если он падал, то падал только на ноги.

Так случилось и сейчас. Распрощавшись с прежним положением, он решил отнять у своих завистников возможность глумиться над его падением и уехал. На этот раз он выбрал себе такое дикое место, где ему предоставлялась полная свобода действий, и надо быть полным дураком, чтобы не навестать там все, что он потерял вместе с прежним положением. Напоив на прощанье местного фюрера Мурда так, что он едва не умер, фон Герделер вылетел вечером в район Вуоярви.

Лапландия!..

Только сейчас, пролетая над ней в транспортном самолете, он увидел, какая это глушь, – медленные реки, медвежьи чащобы, озера, матово-зеленые болота, тихая, безлюдная жуть. Но когда стало темнеть, то там, то здесь вдруг замерцали тусклые желтые огоньки костров.

– Что это? – спросил фон Герделер. – Неужели все лесорубы?

Штурман, много раз летавший над этим районом, горько усмехнулся.

– Если бы только лесорубы, – сказал он, – а то ведь... «лесные гвардейцы». Хорошо еще, что не стреляют, но иногда завидят наши кресты на крыльях и – палят...

– Ах, вот оно что! – и фон Герделер снова прильнул к оконному стеклу.

Он уже знал, что «лесные гвардейцы» – это финские солдаты, дезертировавшие с фронта и живущие в лесах целыми колониями. Много их умирает от голода и болезней, но даже эта страшная жизнь лесных бродяг, видно, слаще ужасов фронта.

Немного расстроенный, он прибыл в поселок Вуоярви, но в помещении, которое занимал начальник района, была только одна женщина – она варила морошковое варенье, и запах северных ягод наполнял все комнаты.

– Мы с вами где-то встречались, – сказал он ей. – Вы случайно не та медицинская сестра, которая летела зимой из Хаттена в Лаксельвен?

– Да, я тоже помню вас.

– Хорст фон Герделер, – на всякий случай представился он.

– Кайса Суттинен-Хууванха, – ответила она и спросила: – Вы к полковнику Пеккала? Но его нет, он с утра уехал в деревню Юкола...

Встретившись с обер-лейтенантом Эрнстом Бартельсом, который командовал артиллерийским дивизионом, стоявшим в поселке, фон Герделер отказался от обеда и сразу же заторопился в Юкола.

– Я уже имею опыт работы с нашими союзниками, – пояснил он, – и потому меня направили сюда в качестве военного советника. В этой же должности я обязан находиться при полковнике Юсси Пеккала. Что вы можете сказать мне о нем?

Стены комнаты были завешаны гербариями с засушенными лапландскими растениями. Бартельс, по-видимому, не считал затраченным впустую время своей службы в Северной Финляндии, – пучки каких-то душистых трав висели повсюду. С явным неудовольствием оторвавшись от любимого дела, обер-лейтенант рассказал следующее:

– Полковник Юсси Пеккала назначен сюда недавно, до этого он командовал пограничным прифронтовым районом. С первых же дней своей службы он забрал в свои руки весь округ, перевернул все и вся. Мелкие немецкие гарнизоны, разбросанные по отдаленным поселкам,

он собрал сюда, в Вуоярви, и мы, таким образом, потеряли возможность добывать себе мясо и молоко у местного населения. Теперь нам приходится довольствоваться только казенными припасами из Петсамо, а на обозы часто нападают «лесные гвардейцы», которые наводняют всю провинцию, и вот в деревне Юкола, например, куда уехал Пеккала, живут даже открыто... Сам полковник нелюдим, груб, и советую вам, – продолжал Бартельс, – не раздражать одно существо, живущее в доме полковника, некую госпожу Суттинен-Хууванха, – это, пожалуй, единственный человек, к которому искренне привязан начальник района...

Похвалив себя за то, что не поленился щелкнуть каблуками перед этой длинноногой финкой, варившей морошку, фон Герделер спросил:

– А что полковник делает в Юкола?

Потрогав толстый каталог лапландской флоры, составленный по-латыни, Эрнст Бартельс, скучая, ответил:

– Сейчас он возится с «лесными гвардейцами». Поверьте, он странный человек: мой дивизион всегда стоит наготове, но полковник хочет договориться с этими бандитами не словами, а словами...

* * *

Когда пара косматых и маленьких финских лошадок, впряженных в пролетку, подвозила фон Герделера к деревне Юкола, он уже издали слышал стрельбу и рев человеческих голосов. Это усилило его любопытство, и он, переложив парабеллум из кобуры в карман, заставил возницу поторопить лошадей.

Но то, что творилось в деревне Юкола, превзошло все его ожидания. На куче бревен, сваленных посреди улицы, стоял сухощавый, быстроглазый офицер в серой заплатанной на локтях куртке. Прямо на него, подступая со всех сторон, напирала толпа оборванных, грязных людей – это и были «лесные гвардейцы».

– Не будем!.. Не будем!.. – орала толпа и для вящей убедительности палила в небо из винтовок и автоматов; все они были вооружены ножами.

Фон Герделер, сжимая в ладони успокоительно-тяжелую рукоять пистолета, выпрыгнул из пролетки, вскочил на бревна, встал рядом с Юсси Пеккала.

Но полковник, скользнув по нацистскому офицеру невидящим взглядом, снова перегнулся надвое, словно собираясь нырнуть в толпу.

– Вы ведь не люди! – орал он. – Вы скоты, сволочи, свиньи! Не хотите воевать, так черт с вами, не воюйте!

Фон Герделер насторожился.

– Но вы должны же наконец понять, что наша Суоми дохнет, словно загнанная кляча. А вы... а вы...

И снова полилась отборная ругань. Фон Герделер не удивился тому, что говорит этот полковник, но был просто поражен тем, что он не боится называть этот сброд сволочами, свиньями и быдлом. Как они его не убьют?

– А-а-а!.. – неслось над толпой, которая, потрясая лохмотьями, кишела внизу, и стволы винтовок, заданных в небо, высаживали патрон за патроном.

«Убьют, – решил фон Герделер, – убьют, и даже не узнаешь – кто...»

Несколько пуль ободрало кору бревна, на котором стоял полковник. Пеккала швырнул свой пистолет в оружие лица – остался безоружным.

– Псы! – крикнул он, словно пытаясь еще больше раззадорить толпу. – Трусливые собаки, да выслушайте же вы меня! Поймите, что ваши семьи обобранны! Они не имеют не только куска хлеба, но даже полена дров! А вы предпочитаете гнить в болотах и дрожите над своей шкурой!

Псы, псы!.. Я говорю вам еще раз: становитесь на работу! Напили каждый сажень дров в день, и никто вас не тронет!

Какой-то солдат с красными, словно у белой мыши, выеденными дымом костров глазами вскочил на бревна, надрывно крикнул:

– Хватит! Вон кто обманул нас! – и он так ударил прикладом фон Герделера, что тот свалился на землю.

– А ведь я тебя знаю, – сказал Юсси Пеккала. – Ты Аапо Коскинен из тринадцатого полка Масельской группы. Что?.. Правда?.. Попробуй отвертеться! А ну, сдай оружие...

Он вырвал у него «суоми», наставил на стоявшего неподалеку солдата:

– Бросай винтовку, или убью!

Винтовка брякнула наземь.

Полковник прицелился в другого:

– А ты что стоишь, свинячье рыло, или не слышал?

Старый солдат в облезлом кепи наклонился и положил свой «суоми». Юсси Пеккала спрыгнул с бревен, врезался в толпу:

– Не смей, сволочи, расходиться! Клади все оружие разом! Ну! – и легко, словно игрушечки, отбил направленный в него удар штыка.

Больше фон Герделер не мог стоять на месте; он спрыгнул в канаву и, пригибаясь, убежал на задворки деревни. Там, прислушиваясь к биению сердца, он спросил себя, что лучше: терпеть издевки чиновников в Петсамо или быть поднятым на штыки в этой деревушке Юкола?

Но рев голосов утих, до слуха донесся дробный топот ног, и вдруг прозвучала команда:

– Смирно!..

Когда фон Герделер выбрался из своего укрытия, то увидел, что оружие валяется на дороге, вдоль деревни стоят в строю «лесные гвардейцы», а полковник Юсси Пеккала проходит мимо этого строя, и по его лицу течет кровь.

Фон Герделер понял, что наступил выгодный момент, который нельзя упустить, если хочешь делать карьеру, и стал собирать оружие, сваливая его на подводу.

– Завтра получите топоры и пилы, – объявил полковник. – Работать будете посменно. Паек получите солдатский. Подчиняетесь только мне и никому больше! Но не думайте, что работаете на меня; отныне вы работаете на свои семьи, которые ждут не дождутся, когда закончится эта проклятая война. А вы – быдло, были быдлом и останетесь им!

Когда на улицу выехали походные кухни и строй голодных солдат разбился на ряд очередей, фон Герделер подошел к полковнику и сказал:

– Я восхищен вашим мужеством! Только финские офицеры способны на такой шаг. Теперь, когда эта «гвардия» нажрется и успокоится, надо срочно вызвать из Вуоярви артиллерийский дивизион, чтобы...

– А вы кто такой?

Извинившись, фон Герделер представился.

Юсси Пеккала вытер платком кровь, поморщился:

– Вот, сволочи, голову все-таки разбили!.. Ставлю вас в известность, что вы, как военный советник союзной армии, можете давать мне советы, но я не всегда обязан их выполнять. Вы когда прибыли? Обедали? Нет. Я тоже... Пойдемте, чего-нибудь пожрем, а там и поговорим.

Под открытым небом был сложен костер, в солдатском котелке булькала какая-то мутная похлебка. Юсси Пеккала достал из кармана сушеную лепешку – някки-лейпя, разломил ее на колене, бросил одну половину фон Герделеру.

– Вот, грызите натошак, – сказал он.

Фон Герделер потянулся носом к котелку, недоверчиво вдыхая запах непривычной для него пищи, и полковник, заметив это, сказал:

– Не удивляйтесь, считаю долгом есть то, что едят все мои солдаты. Желая вам, как военному советнику, привыкать к этой пище, которой довольствуются солдаты дружественной вам державы...

Фон Герделер вспомнил пикантный соус «крутон-моэль», который так вкусно умела готовить фрау Зильберт, и, печально вздохнув, окунул свою ложку в серую бурду солдатского котелка.

* * *

По утрам мимо окон дома фон Герделера проходили строем «лесные гвардейцы». Они шли валить лес, очищать его от сучьев, пилить бревна на ровные плашки, складывать квадратные штабеля в лесу. Потеряв оружие, они не потеряли организованности и солидарности. «Впрочем, топоры тоже неплохое оружие», – думал фон Герделер, которому вся эта история с «лесными гвардейцами» была непонятна.

Была непонятной и та работа, которую он выполнял. Покидая Петсамо, инструктор надеялся развить в этом глухом краю бурную деятельность. Но вместо активного вмешательства в жизнь прифронтового края Юсси Пеккала доверил ему подписывать бумаги (и то не все), заставлял инспектировать интендантство, а все настоящие дела прибрал в ведение своей канцелярии.

«Чепуха какая-то, – досадовал фон Герделер. – Этот подлец полковник не дает мне вернуться. Обер-лейтенанту Бартельсу можно позавидовать – у того хоть есть возможность перебирать травки, а что делать мне?»

Он шел к Юсси Пеккала, говорил:

– Было бы очень хорошо, господин полковник, взорвать гидроэлектростанцию на Вуой-окки, так как ее плотина повышает уровень реки в верховьях, чем и пользуются русские для своего судоходства.

Но Пеккала, не отрываясь от бумаг, отвечал:

– Кстати, хорошо, что вы напомнили. Я прикажу завтра выделить наряд для охраны этой гидроэлектростанции. Взорвать-то легко, а мы нация маленькая, страна наша бедная, – кто поможет нам отстроиться после этой дурацкой войны?

Фон Герделер предлагал вывести из района большую часть финских войск и заменить их горными егерями, так как финские солдаты, соприкасаясь с «лесными гвардейцами», стали менее надежны, но Юсси Пеккала ехидно спрашивал:

– То есть, господин советник, вы предлагаете оккупировать северную Финляндию?..

Наконец, фон Герделер указывал на то, что с каждой курицы следовало бы брать каждое второе яйцо, а не третье, как это делается, и Юсси Пеккала снова вежливо улыбнулся в ответ:

– Я бы согласился издать приказ по району: брать с каждой курицы одно яйцо из двух, если бы вы, немцы, не пожирали две курицы из трех...

Прошло несколько дней, и фон Герделер окончательно убедился, что служить с Юсси Пеккала – это значит погубить свою карьеру, сделаться одним из тех тысяч и тысяч офицеров, которые прозябают в безвестности.

«Притом, странная вещь, – раздумывал по ночам фон Герделер, – я, кажется, начинаю глупеть. Да, да! Он делает из меня дурака, душит во мне всякую инициативу; не знаю почему, но я боюсь его послушаться».

Иногда по утрам он вставал, исполненный решимости идти наперекор всему, чтобы действовать и действовать, сообразуясь не только с желаниями Юсси Пеккала, но и с задачами Лапландской армии генерал-полковника Дитма. Однажды он проснулся на рассвете и, подняв по тревоге немецкий гарнизон, повел его к озеру Селькьярви, на берегу которого, как говорили, расположился целый лагерь бежавших из концлагерей военнопленных и финских дезер-

тиров. Им руководило безотчетное желание вырваться из цепкой паутины, которой его так быстро и так ловко опутал этот невзрачный простоватый мужичок в пьексах, набитых сеном, и с золотыми львами в петлицах заплатанной курки.

Но уже на пятом километре отряд нагнал финский мотоциклист.

– Приказано вернуться в Вуоярви, – доложил он.

Глаза финского солдата смотрели прямо и жестко. Фон Герделер не выдержал и отвернулся – этот взгляд напомнил ему Юсси Пеккала: у того тоже такие глаза.

– Передайте полковнику, – как можно мягче сказал фон Герделер, – что он не обязан придерживаться моих советов, а я, в таком случае, не обязан выполнять его приказания.

Мотоциклист уехал, но на восьмом километре нагнал снова.

– Начальник района, – доложил он, сдергивая с плеча автомат, – приказал мне арестовать вас...

Фон Герделер тоскливо огляделся. Шумели сосны. На болоте кричал кулик. Первые лучи солнца, пробиваясь через листву, касались стволов багровыми отсветами. Сосны ровно накалялись пламенем. Казалось, еще минута, и огонь со свистом и шелестом вспыхнет в хвое.

– Взять его! – распорядился фон Герделер, и финского мотоциклиста скрутили.

Только к ночи вышли на озеро Селькьярви. Повсюду чернели наспех выкопанные землянки, ветер раздувал золу костров, в траве белели обглоданные кости диких оленей. Но людей не было – ушли...

На следующий день Юсси Пеккала вызвал усталого и запыленного советника к себе, спокойно сказал:

– Сдайте оружие.

– Но я...

– Что? – спросил полковник.

– Нет, ничего, – и фон Герделер почти оторвал от ремня долго не отцеплявшийся кортик.

* * *

Сидя под домашним арестом, фон Герделер пришел к окончательному убеждению, что бороться с Юсси Пеккала ему не под силу. Надо найти какой-то метод борьбы – и он нашел.

Подробный доклад был составлен на восьми страницах веленовой бумаги. В нем указывалось, что в среде финского офицерства появились настроения пораженчества и недоверия к своим союзникам, ярким примером появления которых является полковник Юсси Пеккала. Далее следовали пункты обвинений; их было ровно двадцать, причем, по убеждению фон Герделера, каждый, в ком еще не умерла вера в победу, должен бы, дойдя до двадцатого пункта, взять перо и надписать в углу: «Полковника Ю. Пеккала расстрелять...»

Фон Герделер переписал доклад набело, вложил в конверт и послал по следующему адресу: «Хельсинки, Кайво-пуйсто, вилла „Палацци мрамори“, министру обороны Финляндии – генералу Вальдену».

Там, в этом «мраморном дворце», обсаженном кустами сирени, все еще чокаются за финского солдата, который «стоит десяти москалей». «Так вот, – злобно думал фон Герделер, – пусть знают, какие у них солдаты, если даже высшие офицеры якшаются с дезертирами!»

Но ответа на это письмо не последовало. Фон Герделеру еще было неизвестно о том, что 9 июня 1944 года русские войска пошли на штурм укреплений Карельского перешейка, и министру обороны в эти дни было не до какого-то там полковника Юсси Пеккала.

А сам Герделер узнал о наступлении русских только в Петсамо, куда его вызвали на экстренное совещание военных советников. Срочно обсуждался вопрос: как быть, если «великая Суоми» не захочет быть «великой» и, не спросив разрешения на то у немцев, вылетит из

войны? Вопрос был тем более сложен, что последние переговоры между Рюти и Риббентропом сводились к той же цели: Финляндии вменялось в обязанность умереть или победить!

Фон Герделер сидел в первом ряду высоких кресел, слушал, что говорит командир девятнадцатого горно-егерского корпуса генерал Рандулич, и думал: «Из Петсамо я попал в Вуоярви, и вот я снова здесь. Круг замкнулся. Посмотрим, что будет дальше... А сейчас надо сделать один прыжок...»

Через минуту он уже стоял на кафедре и, обхватив ее края сильными жилистыми руками, говорил. И даже не говорил, а почти кричал, что «если эти мерзавцы финны выйдут из войны, нам, немцам, ни в коем случае нельзя уходить из Финляндии».

– А если мы все-таки будем вынуждены это сделать, – закончил он громовым голосом, – то мы уйдем, предварительно превратив Финляндию в зону пустыни!

Генерал Рандулич встал, молча пожал ему руку. И все те завистники из армейского ведомства пропаганды, от которых он бежал в леса Лапландии, встали тоже.

Прыжок был сделан удачно. Это был великолепный прыжок натренированного акробата. Только, пролетев в воздухе, он вцепился не в легкую шаткую трапецию, а в золотые шнуры оберега, которые раскачивались у него перед глазами.

...Вечером он уже сидел в Парккина-отеле и поил коньяком местного фюрера Мурда. Черт знает почему, но последнее время ему стал нравиться этот дикий дурак.

С легким паром!

Когда поезд подходил к перрону Кандалакши, Рябинин, стоя на площадке тамбура, вспомнил слова контр-адмирала.

«Команда 38-С, – говорил Сайманов, – целиком состоит из людей, плававших ранее на парусно-моторных сейнерах Черного моря. Люди прошли Одессу, Севастополь, Керчь, Новороссийск, хлебнули огня и воды немало. С такими матросами можно хорошо воевать, товарищ капитан-лейтенант, только надо держать их в руках. Южане – народ темпераментный, к ним подход нужен особый...»

Долго они тогда разговаривали, обсуждая мельчайшие детали задания, а вот волноваться Прохор Николаевич стал только сейчас, когда поезд уже перескочил входную стрелку и мимо побежали скученные, с серыми крышами, точно грибы после дождя, домики невеселой Кандалакши.

– Ладно, посмотрим, – сказал Рябинин, закуривая папиросу и спрыгивая на перрон, не дожидаясь остановки поезда.

Флотские казармы помещались на окраине. Дальше тянулись болота, рвы и чахлый кочкарник. На КПП Рябинин предъявил документы. Дежурный по казармам сказал, что команда 38-С ушла в баню. Прохор Николаевич подумал: «А не пойти ли и мне помыться, освежусь немного... И народ заодно посмотрю... Каков он?..»

Баню отыскать было нетрудно. Водовоз, стоящий на перекрестке с бочкой воды, встретил Рябинина как старого знакомого и заулыбался еще издали.

– Ишь ты! – сказал он, когда офицер поравнялся с ним. – Открыли все-таки. Мы со старухой со своей думали, что не откроют, ан нет, раскачались напоследок.

И, забрав в кулак тощую бороденку, радостно удивился:

– Ска-а-ажи на милость!..

В руке старик держал газету. Когда Рябинин развернул хлопающие на ветру страницы, в глаза сразу бросилась фотография генерала Эйзенхауэра. Генерал сидел улыбаясь, положив на стол руки с холеными пальцами, на одном из которых сверкал перстень.

Поверх всей страницы было четко оттиснуто: «Высадка союзных войск на побережье Франции. Лондон. 6 июня... Военно-морские силы союзников при поддержке крупных военно-воздушных сил сегодня утром начали высадку союзных армий на северном побережье Франции в Сенской бухте...»

– Слева – Шербур, справа – Гавр, – продолжал переживать водовоз. – Далековато от Германии, не мешало бы поближе. Теперь жди, когда они еще выйдут на дорогу Валонь – Карентан, а до Канн этих самых им в один день никак не дойти.

– Где это ты все вычитал? – спросил Рябинин, удивленный географическими познаниями водовоза.

Старик презрительно хмыкнул и задрал бороденку к самому небу.

– Я ту землю на своем брюхе прополз, каждую ложбинку изучил. Еще в первую мировую много там нашего русского брата «за веру, царя и отечество» голову положил.

И, видя, что офицер еще не совсем понимает его, пояснил:

– В экспедиционном корпусе я служил... Ну вот...

Баня находилась в центре города. Прохор Николаевич сразу прошел в раздевалку. Из-за двери мыльной доносился грохот шаек, гул голосов, шлепанье босых ног.

– Давно моются? – спросил Рябинин у старой банщицы.

– Опоздал, сынок! Уже, почитай, митинг кончился.

– Что, что? – Рябинин удивленно посмотрел на бабку: уж не свихнулась ли на старости лет. – Какой там еще митинг?

– Все про второй фронт. Нешто не слышал?.. Как пришли сыночки в баньку, разоблоклись, так, сердешные, и митингуют...

Прохор Николаевич нетерпеливо захлопнул дверцу рундучка и чуть ли не бегом прошел в мыльную.

В воздухе плавал пар, отовсюду летели горячие и холодные брызги, в тумане, словно в облаках, скользили тела матросов. На деревянной скамье стоял тощий матрос и пытался перекричать остальных. Но ему не давали говорить:

– Кончай, Кубиков, зарапортовался!..

– Водой его надо холодной облить, пусть простынет!

– Зачем водой?.. Намылить ему трибуну, чтобы он сверзился!..

Какой-то матрос открыл кран и, прижав струю пальцем, направил ее прямо на оратора. Тощий поспешно спрыгнул на пол, прячась за чужие спины. Матросы, дружно гогоча, с шумом разбирали шайки.

– А ну, не расходись! – низкорослый толстый человек с широкой лопатообразной бородой, разложенной по груди, пробирался через толпу, орудуя квадратными плечами. – Отойди! – говорил он. – Не мешай!.. Дай пройти, не видишь, что ли?..

– Кто это? – спросил Рябинин у матроса, стоявшего рядом.

– Да это наш боцманюга, – лениво ответил тот. – Неужто не знаешь?

Боцман влез на скамью – сразу все стихло. Борода, видно, была здесь в особом почете. Откашлявшись для солидности, бородач сказал:

– Так что считаю нужным подвести итоги... Тут некий воин христоробивый Кубиков второму фронту шибко возрадовался. Мол, половину войны союзники на свои плечи положили. Так с этой тяжестью и попрут тебе на Берлин, только знай догоняй. Дескать, мы свое дело сделали, теперь и спешить некуда... Так ли это, товарищи? Ну, ответь мне... Кто?.. Ну, хотя бы ты!

И толстый, рыжий от махорки палец боцмана уперся прямо в грудь капитан-лейтенанта Рябинина. Прохор Николаевич на секунду замешкался. Но ведь в таком виде, в каком он находился, смешно было объяснять и доказывать, что назначен сюда командиром и боцман не имеет права тыкать его пальцем. И ничего не оставалось делать, как ответить:

– Я так думаю, товарищ боцман, да вот еще мне тут ребята подсказывают, что Кубиков просто не понимает... Второй фронт имел бы громадное значение, когда фашисты под Сталинградом были... Теперь, конечно, это тоже большое дело. Но отдыхать нам, товарищ боцман, нельзя. Тут попробуй отдохни!.. Без нас войны не кончить.

– Вот! – похвалил его боцман – Сразу видно, что товарищ регулярно посещал политзанятия и вообще... работал, так сказать, над собой. Я университетов этих самых не кончал, а потому рубану свое слово по-матросски прямо и заодно уж наглядное пособие продемонстрирую...

Матросы весело загалдели:

– Показывай, боцман!.. Что у тебя там за пособие?

Бородач с достоинством развернул мокрую газету, в которую были бережно завернуты мочалка и кусок розового мыла.

– Прошу обратить взоры присутствующих на... э-э-э... так сказать, прямо сюда! Сегодняшняя газета. Фото! И не нашли лучше, как показать завтрак: сидят открыватели фронтов и устрицу из банки трескают... Так что, матросы, дело ясное: на бога надейся, да сам не плошай... Кубиков! – вдруг гаркнул боцман, перекрывая банный шум.

– Есть Кубиков! – из пара появился тощий матрос.

– Так вот что, дорогой товарищ Кубиков, – вежливо сказал боцман, – я против тебя ничего не имею, но за свою безыдейность ты мне все-таки спину подрайшь... Уж не взыщи!..

Матросы быстро разошлись, мгновенно разобрав все шайки. Прохор Николаевич подошел к одному матросу, который мылся сразу в четырех шайках. Усердно намыливая голову, матрос, по-видимому, блаженствовал.

– Ваше сверхсрочнослужащее благородие, – сказал Рябинин, – дозвоьте взять шаечку из-под ваших ножек?

– Молод еще так со мною обращаться, – хмуро буркнул тот, даже не подняв головы. – И вообще не мешай, проваливай!

Прохор Николаевич выдернул из-под ног матроса шайку. Тот проявил странное спокойствие и продолжал мыться в оставшихся трех.

Рябинина, еще не забывшего холод Карского моря, последнее время по-стариковски тянуло к теплу. Он толкнул дверь парилки, и в лицо сразу ударило невыносимым жаром. Какой-то смуглый матрос на самом верхнем полке хлестал себя веником с такой неумемной яростью, что на венике осталось всего лишь несколько листиков, – казалось, что несколько взмахов посильнее – и получится голик драить палубу.

– Иех, попа-а-аримся в честь открытия второго фронта! – говорил он. – А ну, поддай-ка еще! – попросил он Рябинина.

– Смотри, не высидишь. Убежишь! – проговорил Прохор Николаевич, настроенный благодушно.

– Высижу. Ты только плесни, мамочка!

Рябинин выплеснул воду в печь. Из отдушины к потолку ринулся удушливый пар. Несколько матросов, лежавших на верхних полках, рассмеялись:

– Давай еще, не разбирает что-то!

И еще две шайки воды обрушились на раскаленные камни. Кто-то не выдержал и сполз вниз, потом – второй, за ним – и третий.

А смуглый матрос остался, по-прежнему нахлестывая себя прутьями.

– Жарь, жарь! – надрывался он. – Мы из Одессы, мы жаркого не боимся...

Наконец не вытерпел и он, но спустился вниз всего лишь на две ступеньки – дальше не позволяла черноморская гордость.

– Ты что, издеваешься? – спокойно спросил он. – Ты знаешь, кто я такой?

– Нет, не знаю.

– Видали, он меня не знает!.. Да я Жора Мурманов, потомственный рулевой-парусник, мне в Одессе каждая собака еще издали лапу подавала... А ты кто такой!.. Фффррр!.. Наверное, вестовой... Вон шкура-то на тебе какая белая!..

Он кивнул товарищам, и те, подхватив Рябинина, поволокли его на верхний полку, в самую жарынь.

– Он нас, и мы его!

Сейчас бы встать да крикнуть: «Отставить!» – но было уже поздно. Прохор Николаевич лежал на горячих досках, и проклятый голик одессита – на этот раз настоящий голик, без единого листика! – гулял по его спине.

Наконец матросы оставили его и спустились вниз.

– Эх, закурить бы! – сказал один.

– Нельзя. Боцман не велел.

– Пустяки! – разошелся Мурманов. – Кто нас здесь увидит! А ты давай не смейся! – толкнул он Рябинина в бок. – Иди, Николенька, принеси-ка махрятину.

– Постой! – остановил матроса Прохор Николаевич, улыбаясь. – Открой тридцать первый номер. Там у меня папиросы лежат в кармане.

– Люблю с вестовыми дружбу водить, – сказал Жора.

Но прошло несколько минут, а Николенька не приходил.

– А ну, Балтика, жми ему в кильватер, что он там, заснул?..

Но и второй матрос-балтиец не вернулся. Отчаянно ругаясь, отправился сам взбешенный Мурмылов и тоже исчез. Тогда вышел в раздевалку Рябинин. Все трое стояли перед раскрытым шкафчиком, тараща глаза на офицерский китель.

– Что же вы не курите? – Рябинин открыл коробку папирос.

– П-п-простите, товарищ капитан-лейтенант, – пробормотал одессит.

– А за что мне на вас сердиться? Я хоть и не особо-то веселый человек, но зато веселых людей люблю. Только я не вестовой. Вот поплаваешь здесь – и с тебя загар слезет... Ну, ладно, пошутили и – амба! Закуривайте!..

– Большое спасибо, товарищ капитан-лейтенант, только у нас махорочка где-то...

– То махратина, то махорочка, так сказать, в зависимости от обстоятельств. Вот уж это я не люблю, – искренне рассердился Рябинин, и три руки разом потянулись к коробке.

Знакомство с членами новой команды состоялось. «И неплохо, кажется, черт возьми!» – улыбаясь, думал Прохор Николаевич.

Быстро одевшись, он вышел на улицу. Из бани со свертками белья уже выбегали матросы. Поглядывая в сторону офицера, они покуривали, весело болтая о всяких матросских разностях. Наконец из бани, семена на коротких ножках, выкатился бородатый боцман с погонями мичмана на плечах.

– Ста-анови-и-ись!

Матросы, затапывая сигарки, построились в колонну.

– Вы боцман команды 38-С? – спросил у него Рябинин.

– Так точно. Мичман Слыщенко.

– Будем знакомы, – сказал Прохор Николаевич. – Я назначен командиром.

– Очень рад, – ответил мичман, хитро отводя глаза в сторону. – Так сказать, с легким паром!

Они пожали друг другу руки. Рябинин ощутил шершавую от мозолей ладонь мичмана и привычно смекнул, что боцман, наверно, работяга.

– Ну, добро! Ведите команду.

– Есть вести команду! – зычно отозвался боцман и, расправив плечи, лихо щелкнул каблуками. И сразу как будто бы и стройнее он стал, а живот куда-то убрался, не стало живота, да и только!

– Идти штоб с песнями, – предупредил боцман. – Ша-аагом марш!..

И матросы прямо с ходу, с первого же шага грянули песню, точно уже заранее знали, что их ждет впереди:

Пусть в море нас ветер встречает,
Корабль не сбавит свой ход,
И стаи стремительных чаек
Проводят матросов в поход...

Сам собой напрашивался молодецкий посвист, и Мурмылов свистел, оглушительно и резко, засунув в рот два розовых после бани пальца.

Ты не плачь и не горюй,
Моя дорогая,
Если в море утону —
Знать, судьба такая...

Так и шли с песнями по городу, мерно покачиваясь в такт шага плотной голубой волной свежесвыстиранных воротников и тельняшек. И казалось, это само море выплеснулось на берег, широко и плавно течет по улицам.

Но по мере того как строй уходил все дальше и дальше от города, в рядах матросов появилось беспокойство. Люди оглядывались по сторонам, выискивая глазами среди мелких суденышек хоть одну мачту с военно-морским флагом, но в заливе раскачивались на волнах только мотоботы, карбасы да ёлы.

Перешли через реку Ниву, в которой бродили по мелководью мальчишки в поисках раковин-перловиц с небогатым карельским жемчугом. На берегу живописной Чупа-губы работали звонкие бондарные мастерские, сшивающие бочонки под мурманскую сельдь; рыбачки в выцветших на ветру и солнце сарафанах чинили сети, распевая протяжные поморские «старинны», а матросы все шли и шли...

И наконец отряд спустился к маленькой бухте, где, приткнутая к отмели, стояла красавица трехмачтовая шхуна. Рябинин остановил отряд у самой воды, и тут все увидели, что на борту шхуны золотыми буквами выведено: «Шкипер Сорокоумов». Черноморцам это имя ничего не говорило, и славное название корабля не произвело на них никакого впечатления, но Прохор Николаевич слегка нахмурился, – как показалось другим, от яркого солнца.

Он вышел перед строем и сказал:

– Товарищи! На этом корабле будем служить. Уверен, служба будет поставлена так, что ею будем довольны и мы сами, и наше командование. Верно я говорю, матросы?

И дружно качнулась в ответ голубая волна:

– Верно-о-а!..

Вечером на корабль прибыли штурман Аркадий Малявко, недавно переведенный из запаса на действительную службу и получивший первое офицерское звание младшего лейтенанта, и четверо сыновей Антипа Денисовича Сорокоумова, уже переодетых в военную форму.

Стечение обстоятельств

В субботу, уволившись на берег, юноша решил навестить старика Хлебосолова. Навигационный смотритель жил в южном конце Шанхай-города, и Сережка, боясь опоздать на катер, торопился. Его подстегивал еще и холодный ветер, дувший с океана; правда, молодой боцман не показывал виду, что мерзнет, но все-таки поеживался в своем коротком бушлатике.

Поднявшись на взгорье, откуда виднелся весь Мурманский рейд, Сергей заметил стоящий на якоре корабль, вокруг которого, словно муравьи, сновали катера и шлюпки. На носу корабля, выпрямленный ветром, словно сделанный из жести, висел на флагштоке громадный синий звездный флаг Соединенных Штатов.

Заморские матросы прохаживались сейчас по городу шумными толпами, вызывая удивление жителей непривычной формой одежды. На их головах вместо традиционных бескозырок сидели черные колпаки; на мешковатых бушлатах, свисающих чуть ли не до колен, торчали крупные черные пуговицы, какие носят только женщины на пальто; брюки – узкие, выглаженные складками внутрь – были коротки настолько, что из-под них виднелись разрисованные узорами носки.

Американцы шли по самой середине улицы, а за ними густой толпой бежали бездомные собаки, которых они тут же кормили шоколадом и бисквитами. Некоторые из матросов уже были изрядно навеселе, другие играли на аккордеонах джазовые рубмы, третьи пытались заговорить с прохожими, чтобы приобрести какие-нибудь сувениры.

В одном из узких окраинных переулков, при слабом свете синей маскировочной лампы, Сергей увидел американского матроса, который, видимо, отстал от своих товарищей и был тяжело пьян. Он плясал матросский танец – джигу, которая родилась в душных портовых тавернах. В этом танце ноги остаются на месте, а руки и туловище как бы изображают все основные элементы морской жизни: ходьбу по палубе в бурю, вязание парусов, вытягивание снастей и лазанье по мачтам.

Но руки пьяного американца двигались как попало, вразброд, и от этого казалось, что человек сошел с ума. Синий свет, рассеянно падавший сверху, мертвил окружающее, усиливая мрачное ощущение от этого зловещего танца. Сережка отошел к забору, чтобы обойти американца, но тот уже заметил его и радостно крикнул:

– Рашен!.. Камарад!.. Э-э-э...

Вынув изо рта мягкий комок жевательной резины со следами своих зубов, американец разорвал его на две части и одну из половинок протянул юноше:

– Э-э-э, камарад... чуингам, э-э-э...

* * *

Степан Хлебосолов состарился за этот год еще больше: спина гнулась плохо, в сырую погоду отказывались служить съеденные проклятым морским ревматизмом ноги. Но как бы то ни было, а ровно с заходом солнца навигационный смотритель садился в шлюпку и старательно объезжал все вехи и створы: там подправит, там постучит молотком, здесь покрасит...

Сегодняшний приход Сережки разбудил Хлебосолова – он вышел открывать дверь, накрыв плечи стареньким суконным одеялом, на котором еще сохранилась метка: «Андрей Первозванный».

– Спишь, дядя Степа? – спросил Сергей, раздеваясь.

– Сплю, сынок, потому как сегодня мне всю ночь будет глаз не сомкнуть.

– Это почему же?

– Да просто «ляйм-джуссеры» пришли, а после них собаки всегда беспокойны бывают. Американцы, вишь ты, пировать под открытым небом любят, так собаки потом на сопках банки из-под консервов вылизывают. Да ты вешай сюда бескозырку, вешай, сейчас чайничать будем... Я живу на отшибе – многое примечаю. Вот, например, заранее угадать могу, когда в наши Палестины чужая коробка заглянет. Интересно! Все бездомные собаки, разных мастей и возрастов, заранее к причалам сбегаются! Ей-богу, чтоб мне в люк провалиться! Поначалу-то я удивлялся: как понимать это, а потом понял. Бывает, прокрутится всю ночь собачья свадьба, воеет, тявкает, а утром проснешься, в окошко глянешь – ага! – стоит на рейде какой-нибудь корвет под сорока восемью звездами. И откуда только узнают собаки об этом, ведь не по радио же! Наверное, по запаху чуют...

Слушая смотрителя, Сережка посмеивался, но знал, что Хлебосолов говорит правду: он и сам не раз замечал, как, предвкушая обильную поживу, перед приходом союзных судов все собаки сбегаются в гавань.

Проведя своего гостя в комнату, сверкающую медной посудой и белизной стареньких занавесок, Хлебосолов посмотрел на часы, забеспокоился:

– Я и забыл тебе сказать: ведь ко мне внучка из Кадникова приехала. Сирота она. Ей от меня, видно, часть соленой водицы в кровь перешла. Будет здесь в мореходном техникуме учиться. Вот отправилась экзамены сдавать, пора бы уже вернуться. А то время позднее, сам понимаешь, да и матросы не наши в городе...

Скоро на столе зашумел самовар, и смотритель, раскалывая рукоятку ножа на своей морщинистой ладони сахар, рассказывал:

– А то еще в 1913 году я в Британской Колумбии был. Там лосося ловят, все берега консервными фабриками застроены. Привелось мне тогда увидеть, как тамошние матросы спиртное хлещут. Бывало, косяк рыбы крупный идет, а команда траулера вся поголовно в стельку. Вот капитан и приказывает свалить матросов в кошель трала. А когда их свалят туда, тогда лебедку развернут и спустят трал в море. Подержат под водой с минуту примерно, потом – на палубу, а матросы, как крабы, в сети шевелятся. Человек пять, конечное дело, захлебнутся, остальные – как стеклышко, только икают здорово. Зато, смотришь, траулер в море дымит...

Хлебосолов достал стариковскую табакерку, спросил:

– Небось смолокурить научился?

– Нет, не курю, – ответил Сергей, прихлебывая с блюдечка горячий чай, настоящий на листьях каменного зверобоя.

– И не привыкай, зачем тебе чистое дыхание дымом портить!

С этими словами Хлебосолов засунул в нос добрую понюшку табаку и, сладко всхлипывая, стал раскачиваться, как маятник, только раздавалось по комнате веселое и звонкое «апчхи». Потом старик вынул большой клетчатый платок и, вытирая им лицо, продолжал рассказывать:

– Табачок-то нюхательный сейчас не в моде, товар дефицитный, так мне его с Черного моря один человек присылает. Бывший ученик мой. Году в двадцать пятом я его узлы морские вязать учил, а сейчас он уже гвардейским крейсером командует... Много у меня учеников, всех не упомнишь! Бывало, придет ко мне Антон Захарович, и сидим мы с ним, вспоминаем, что было, и выходит, что не напрасно мы жизнь прожили...

При упоминании об аскольдовском боцмане смотритель помрачнел, выцветшие стариковские глаза загрузили. Словно отгораживаясь от тяжелых воспоминаний, он снова посмотрел на часы:

– А моя Анфиска-то не идет все! Как бы не случилось чего!

– Ну да чего с ней может случиться? – ответил Сережка и заторопился уходить – пора на катер.

Есть неписанный морской закон: лучше вернуться с берега на час раньше, чем опоздать на полминуты. Впрочем, Сережка не собирался прийти на час раньше, – есть второй неписанный закон: плох тот моряк, который опаздывает, но посмеются в кубрике и над тем, который пришел до срока. Настоящий матрос до конца наслаждается твердым покоем родной земли, и в тот момент, когда стрелки часов угрожающе сдвигаются воедино, словно ножницы, срезая последнюю минуту моряцкого отдыха, дисциплинированный матрос уже докладывает офицеру: «Такой-то вернулся с берега...»

* * *

Но в этот день Сережке не пришлось вернуться на катер в срок...

Пробираясь по переулку, он увидел, что американец еще не ушел. Широко расставив руки, матрос не давал пройти девушке, которая отскакивала каждый раз, как американец пытался обнять ее. Девушка хотела проскочить мимо, но матрос с криком «гип, гип!» преграждал ей дорогу.

Сережка только знал о том, что у зрителя есть внучка, но никогда не встречался с нею. Теперь же, быстро оглядев переулок, он сразу угадал в девушке с косынкой на голове Анфису – больше некому было идти в такое позднее время этой пустынной улицей, которая вела прямо к избушке Хлебосолова.

Холодея от внезапно нахлынувшего бешенства, он подошел сзади и негромко сказал:
– Пусти!

Но в этот же момент сильный удар вырвал у него из-под ног землю. Юноша вскочил и, натянув на лоб бескозырку, рванулся навстречу. Почти ружейным приемом «коротким-коли» он выбросил правую руку вперед и тут же увернулся от второго удара – кулак матроса почти не задел его. Американец, вложивший в удар всю свою силу, покачнувшись вперед. Тогда, поймав его за руку, Сережка выгнул спину и забросил тело противника на себя. Потом короткий рывок, и американец, распластавшись лягушкой, отлетел к забору...

Сережка опомнился, когда вддали раздался свисток. По улице к месту происшествия бежал милиционер, а немного поодаль тяжело грохотали сапогами по мосткам матросы городского патруля.

– Ты что же это, кореш, дерешься? – сказал, подбегая, усатый мичман. – Смотри-ка, союзника изничтожил.

Девушка отряхивала с бушлата юнги грязь.

– Он сильно вас ударил?

– А вы экзамен в техникуме сдали? – сердито спросил Сережка, отдавая мичману документы.

– Да. Но я вас не знаю!

– А вы идите к дедушке, он вам скажет...

Всю ночь Сережка провалялся на жестких досках трехэтажных нар комендатуры, а утром явился на катер, доложил обо всем Никольскому. Лейтенант выслушал боцмана и, тщательно очинивая карандаш, сухо сказал:

– Занимайтесь своими обязанностями.

Сережка до обеда в угрюмом молчании разбирал на причале свой пулемет, чистил его, смазывал. В просвете между двумя островами, ограждавшими гавань, он видел, как в мареве ослепительного блеска полдневного солнца прошел на север крейсер Соединенных Штатов. Очевидно, перед выходом в открытый океан на нем объявили контрольную тревогу, и по всем его надстройкам, мостикам и башням быстро карабкались вверх черные фигурки матросов. «И этот там», – машинально подумал Сережка, ясно представляя себе, как вчерашний его противник влезает в орудийную башню и со стоном втискивает свое тело в кресло наводчика. А в

башне стонут вентиляторы, смеется унтер-офицер в шелковой безрукавке, скрипят, поставленные на кожаную подушечку, лакированные «джимми» башенного лейтенанта, и крейсер, покачиваясь бортами, уходит в Полярный океан, чтобы уже больше никогда не возвращаться к этим уютным скалистым берегам...

«Ладно, черт с ним», – решил Сережка и за обедом обо всем рассказал своим товарищам.

– Ну и влетит же тебе! – посочувствовал своему боцману Ромась Павленко.

– Десять суток гауптвахты – не меньше, – подтвердил второй торпедист катера Илья Фролов.

Братья-мотористы Крыловы заспорили. Гаврюша говорил:

– Ну, слушайте, если союзник, то его уж и тронуть, выходит, нельзя? Чепуха на машинном масле! Мы для них интерклуб устроили? Устроили. Вот и пусть там хоть на голове ходят. А наших девчат пусть не трогают.

Но его младший брат не соглашался:

– Все-таки, что ни говори, а они наши союзники. Ну, каково будет, если он вернется после войны домой. «А я в России был», – скажет. «Ну как там?» – спросят его. Что он ответит? Нет, боцман, драться не надо было.

– А если он первый меня ударил, так что я? Терпеть должен? – обозлился Сережка, до сих пор молча делавший для себя выводы из этого спора.

– Ну... я не знаю, как там у тебя получилось, ты сам, боцман, такой, что всегда на рожон лезешь!

Сидевший в стороне радист Никита Рождественский тихо сказал:

– Боцман, пожалуй, прав. Но попадет ему точно...

Сразу же после обеда Сережку вызвал к себе Никольский. Лейтенант вынул из кармана носовой платок, угол которого посерел от пыли.

– Вот, – сказал он, – это я провел по крайнему бимсу в носовом отсеке. Что это, как ты думаешь?

– Пыль, товарищ лейтенант.

– Правильно, пыль. А откуда она взялась там?

– Не знаю, товарищ лейтенант.

– Ну, а кому же, как не тебе, боцману, знать?

Сережка, потупившись, молчал.

– Стыдно? – спросил Никольский.

– Стыдно.

– Стыдно чего?

– Да вот недосмотрел, пыли через вентилятор надуло, – ответил Сережка.

– А того, что подрался вчера, не стыдно?

– Нет, товарищ лейтенант...

Никольский исподлобья хмуро посмотрел на юношу и вдруг улыбнулся.

– А знаешь, Рябинин, – сказал он, – ведь, с одной стороны, ты поступил правильно. Но это еще не значит, что ты застрахован от наказания. Твое поведение объясняется еще и невыдержанностью, за которую ты можешь поплатиться гауптвахтой. Понял?

– Так точно!

– Ничего ты не понял, – неожиданно обозлился Никольский. – Теперь на всем дивизионе говорить будут, что боцман гвардейского «Палешанина» буянил на берегу. Чего доброго, еще и приплетут, что ты был пьян!..

– Товарищ лейтенант, но ведь вы только что сказали, что я поступил правильно. Мое наказание может обуславливаться уставом, а не самим течением обстоятельств. Я так и понял...

– «Обусловливается», «стечением обстоятельств», – слегка улыбнулся Никольский. – Вот как ты говорить начинаешь!

И, потирая ладонями обветренные скулы, как-то очень грустно сказал:

– Учиться тебе надо, Рябинин, вот что!

– Учиться всем надо, – ответил осмелевший юноша.

– А мне вот, например, войну сначала закончить надо.

– Мне тоже, товарищ лейтенант.

– Ну ладно, иди, – сказал Никольский. – Прикажи торпедистам убрать торпеды на причал. Сегодня уходим на операцию по съемке разведчиков, так что они мешать нам будут.

– А как же, товарищ лейтенант... ну, вот с этим? С наказанием?..

– Выполняй, что тебе сказано, – ответил Никольский.

К вечеру ушли в море. Сережка, надвинув на глаза штормовые очки, предохранявшие от острых брызг, сидел в турели, ощущая на своих плечах тяжелые рычаги пулемета. Он смотрел, как разбегаются по бортам катера свистящие усы соленой пены, и думал: «Странно, я даже не запомнил ее лица».

Море лежало перед ним, как сама жизнь, – широкое, многообещающее, тревожное...

Снова в строю

Швы, наложенные на рану Вареньки младшим хирургом крейсера «Святой Себастьян» Ральфом Деннином, были сняты в базовой поликлинике Северного флота, куда девушку отправили лечиться.

Варенька знала, что это противоречит общепринятым методам лечения, но главврач поликлиники подполковник Кульбицкий сказал:

– Сейчас мы разработали новый способ лечения открытых ран водой Баренцева моря. Вас, товарищ Китежева, мы будем лечить также этим способом...

Лечение дало положительные результаты. Варенька скоро встала с постели; потом ей разрешили самой ходить в столовую. Через две недели она уже посещала зал лечебной гимнастики и клуб поликлиники, где каждый вечер шли новые кинокартины.

По субботам Варенька задолго до впуска посетителей выходила на лестницу и, облокотившись на перила, ждала.

Пеклеванный всегда взбегал на третий этаж, как по трапу «Аскольда» во время боевой тревоги, – широко и стремительно. Девушка, не скрывая радости, обнимала его, вдыхая исходящий от одежды Артема запах моря, – как бы ей тоже хотелось туда, где он!..

В палате, присев на краешек койки, лейтенант рассказывал о своих делах, о новых друзьях на эсминце, о комнате, которую штаб обещал ему дать к осени. Он приносил своей невесте печенье, шоколад, фруктовые консервы, и девушка каждый раз журила его: «Ну зачем все это? Мне ничего не надо, только бы ты приходил...»

Однажды через несколько минут после прихода Пеклеванного в палату вошла сестра и объявила:

– Вам придется попрощаться с больной, к ней пришли и ждут внизу. А двоим посетителям находиться в палате не полагается...

Варенька проводила Артема до площадки лестницы. Он сбежал вниз, и девушке вдруг бросилась в глаза фигура какого-то солдата, выходящего из вестибюля. Варенька присмотрелась: так и есть, Мордвинов!

Артем и Мордвинов столкнулись лицом к лицу, пожали друг другу руки. О чем-то заговорили. Потом девушка заметила, что лейтенант похлопал своего бывшего дальномерщика по плечу.

Через несколько минут Мордвинов уже сидел около ее постели. Разговор не клеился. Оба долго молчали. Увидев на столике Вареньки принесенные Пеклеванным сладости, Мордвинов криво усмехнулся и сказал:

– А вот и от меня...

Он положил перед нею пачку особых галет, которые выдавались в походе подводникам, – где он достал их, неизвестно, – и горсть дешевых ирисок. Эти галеты и ириски выглядели рядом с подарками Артема невзрачно и бедно. Мордвинов, видимо, сам заметил это, потому что усмехнулся снова и добавил:

– Конечно, я не могу принести того, что Пеклеванный, но, может быть...

– Да как тебе не стыдно, Яша! Неужели ты думаешь, что подарки Пеклеванного для меня дороже только потому, что завернуты в целлофан и позолоту?..

Ссутулив спину, он сидел на стуле и хмуро разглядывал свои серые солдатские обмотки, которые делали его ноги тонкими и уродливыми, что еще больше подчеркивалось громадными бутсами, завязанными сыромятными ремешками.

Вареньке показалось, что он сейчас заплачет, такое лицо было у Мордвинова в этот момент, и, ласково дотронувшись до его руки, она сказала:

– Не надо.

– Что не надо?

– Ну вот... таким быть.

– А я какой?

– Ты тяжелый человек, с тобой трудно.

– Это вам-то со мной?

– Не только мне. Боюсь, что твоей жене будет с тобой еще тяжелее.

– Вот закончится война, – неожиданно сказал Мордвинов, – законтрактуюсь на зимовку.

Куда-нибудь на Диксон, а то и подальше – на мыс Желания. Есть такие зимовки-одиночки, целый год человек один. Никого нет, только рация, винчестер, консервы и... книги. Много книг!.. Вот там я подумаю о себе и о своей жизни вдоволь...

– Ты любишь крайности. Ты весь какой-то... Ну как бы тебе сказать?.. Угловатый, что ли... С тобой неуютно, Яша. Все равно, что в тесной комнате: неосторожно повернешься – и сразу ударишься обо что-нибудь.

– Может быть, – согласился он, – есть, конечно, и поуютнее. Вот, например, лейтенант Пеклеванный – об такого не ударишься... Ух, и не люблю же я его! – страстно произнес он, сразу же понял жестокость своих слов, но уже не мог сдержаться. – Жаль, что он не матрос, а то бы подрались мы с ним когда-нибудь!

– Скажи, что он тебе сделал плохого? – тихо спросила Варенька.

– А ничего он мне плохого не сделал. И вежлив он, и справедлив вроде, и не кричал на меня никогда. А вот от Рябинина я поначалу, как на «Аскольд» пришел, больше натерпелся... Он меня к морской жизни так приучал, что я на четвереньках до своей койки добирался. Однажды, когда партию печени тресковой в салогрейке запорол, так он меня даже за ухо при всех оттащил. А вот скажи мне, что умереть за него надо, – хоть сейчас готов. И не только я – все аскольдовцы к нему так относятся. А про Пеклеванного хочешь правду знать?..

– Не хочу!

– А-а-а, боишься!..

– Не хочу! Потому, что не люблю неправду.

– А я правду скажу... – но он осекся и, прикусив губу, потупился.

Наступила тяжелая пауза.

– Кстати, – спросила Варенька, пытаясь изменить направление разговора, – о чем вы с ним разговаривали там, в вестибюле?

– Я рассказал ему о своей службе.

– А где ты сейчас служишь?

– Я?.. Я стою у пограничного столба, на том самом месте, где немцы так и не могли перейти нашу границу! – сказал он.

– А немцы близко?

– Это уже неважно, – ответил Мордвинов и замолчал.

Потом, сухо простившись, ушел. Стоя у раскрытого окна, Варенька долго смотрела ему вслед, и, когда он скрылся за сопкой, ей почему-то захотелось вернуть его обратно. Она вдруг почувствовала, что вот сейчас у нее нашлись бы нужные теплые и дружеские слова, чтобы согреть этого сложного и хорошего человека, который любит ее...

Китежеву перевели в отделение выздоравливающих в тот день, когда было получено сообщение, что войска Ленинградского фронта выбили финнов из дачного пригорода – Терий-оки. И то, что она поправляется, и то, что освободили этот тихий городок, в котором она еще студенткой отдыхала перед войной, – все это развеяло в ее душе какую-то неясную печаль и уничтожило горький осадок от разговора с Мордвиновым.

Летчики из соседней палаты пригласили ее к себе, и до самого отбоя она играла с ними в домино. Один летчик был уже знаком ей по службе в транспортной авиации. Варенька играла

вместе с ним, и он, пользуясь правом старого знакомства, ругал девушку за постоянные проигрыши, называя ее на «ты».

– Ну куда ты опять со своей шестеркой лезешь! Ты же видишь, что я на одних «азах» играю, а тебе лишь бы кость сплавить!..

– Ай, как ты кричишь на меня! – смеялась девушка. – Откуда я могу знать, что у тебя «азы»!

В самый разгар игры пришел главврач с помощниками.

– Спать, спать, молодые люди! Китежева, идите в палату!..

Когда девушка уже ложилась в постель, Кульбицкий пришел к ней, осмотрел рану и спросил:

– Вы плавали на «Аскольде»?

– Да, с осени прошлого года.

– Где учились?

– Перед войной окончила медицинский институт, в сорок первом стала военным фельдшером, а потом прошла курсы усовершенствования корабельных врачей.

– Какой профиль вашей основной работы?

– Я врач-терапевт.

– Вы не могли бы завтра после обеда зайти ко мне в кабинет?

– Хорошо, товарищ подполковник.

На следующий день Варенька натянула халат, просунула ноги в шлепанцы и спустилась на второй этаж, где находился кабинет главного врача поликлиники Северного флота.

– Я вас слушаю, товарищ подполковник.

Кульбицкий сидел за столом, просматривая толстую папку с документами. По цвету обложки Варенька узнала свое личное дело. Подполковник спросил:

– Варвара Михайловна, вы не хотели бы работать в нашей поликлинике?

Варенька замялась.

– Мне хотелось бы вернуться на корабль, – сказала она.

– Вы будете работать не только в лаборатории, но и на кораблях, – перебил ее Кульбицкий и вдруг спросил: – Вы страдаете морской болезнью?

– Я начинаю укачиваться только с восьми баллов.

Вареньке нравилось, что она еще сидит в больничном халате, а ей уже предлагают новую работу.

– У вас на «Аскольде» были случаи заболевания?

– Во время сильного шторма – да!

– Как вы лечили заболевших?

– Матросам, пульс которых замедляется, я давала по двадцать капель белладонны в день и заставляла пить кофе. А тем, у кого пульс, наоборот, учащался, я делала подкожное введение ацетилхолина.

– Таким образом, – заключил подполковник, – при лечении вы делили всех заболевших на две группы по их нервным темпераментам: на ваготоников и симпатикотоников, так?

– Да, – кивнула девушка, еще не понимая, к чему клонится весь этот разговор.

Кульбицкий встал, носком ботинка поправил загнутый край ковра. Девушка ждала...

– Недалек тот день, когда начнется наше наступление, – медленно произнес подполковник. – Надо полагать, что близость такого обширного морского театра, как Баренцево море, позволит командованию прибегнуть к ряду крупных десантных операций. Пехотинец, сошедший с палубы корабля, должен сразу вступать в бой. Этот измеряемый секундами момент, когда он бросается в первый рывок на вражеский берег, решает все и требует от десантника колоссального напряжения всех человеческих возможностей. Вы понимаете, товарищ Ките-

жева, что я имею в виду, – силу, бодрость и ясность разума... Но как же десантник может идти в бой, если его измотало море, если он болен?

Этот вопрос Кульбицкий произнес так, словно обращался непосредственно к девушке.

– И вот перед нами, – продолжал он, – морскими врачами, стоит задача: найти препарат для борьбы с морской болезнью!

– Товарищ подполковник, это очень интересно. Я, пожалуй, согласна. И даже не «пожалуй», а точно...

Прощание с берегом

Рыболовный флот Заполярья переживал тяжелые дни. Часть траулеров сменила свои мирные вымпелы на широкие полотнища военных флагов. Другая часть пропала без вести в океане, – слишком хорошо знали мурманчане этих людей, чтобы сейчас не сказать им: вечная память героям!.. На других кораблях не хватало рабочих рук.

И это в то время, когда стране, как никогда, нужна была рыба. Фронту требовались консервы, раненым бойцам необходим целительный рыбий жир, в костной муке нуждались колхозы. Командование рыболовной флотилии обратилось к женщинам с призывом занять вахтенные посты на палубах траулеров. Во всех рыбопромышленных учреждениях стала проводиться запись желающих.

Не так-то легко было решиться перешагнуть через все условности и войти в экипажи кораблей безо всяких скидок на свой пол, который принято считать слабым. Но когда Настенька Корепанова заявила, что она согласна идти на «Рюрик», где плавает ее муж, тетя Поля сказала:

– Нет уж, милая, ты за мужем гонишься, а не за работой. Так что в цехе оставайся. Ну, а мое дело ясное: я в пуксах рыбацких такой же красивой буду, как ты в своей юбке...

И вот еще вчера она отвела дочку Аглаи в дом Степана Хлебосолова, а сегодня в полночь уже должна ступить на палубу траулера. Сейчас тетя Поля прощается со своим цехом и перед концом смены говорит Насте Корепановой:

– А ну-ка, дай нож... Поработаю напоследок!..

Неутомимый конвейер подкатывает к ней большую рыбину. Мастер заученным движением подхватывает ее, и – раз! – вдоль спины пикши пробегает лезвие. Еще один молниеносный взмах руки, и бело-розовый пласт мяса отползает в сторону. Однобокая рыбина переворачивается, филе срезается с другой стороны. Хребет сталкивается в ящик, откуда он пойдет на выделку рыбьей муки...

На стол шлепается вторая пикша.

– Ух ты, какая жирная! – говорит тетя Поля, отстраняясь от едких капель, брызжущих из-под ножа. – На хороших лугах, видно, паслась...

Звонок возвещает конец смены. Работницы скидывают передники, торопятся к умывальникам. Тетя Поля тоже трет под краном руки, громко печалится:

– Вот как случилось-то: море моего боцмана взяло, а теперь я в море иду... Видать, такая уж доля моя: от него, студеного да проклятого, ни на шаг. Ну да и что мне? Дело мое вдовье, детей нету... На могиле мужа своего трудиться буду...

Работницы молчали: уже не одна женщина ушла на траулеры, и многие... многие из них не вернулись.

Только Настя сказала:

– Мой-то, как демобилизовали его, тоже на «Рюрик» попал. Ты зайди ко мне, тетя Поля, белье ему передать надо...

– Ладно, передам, – ответила Полина Ивановна и больше не сказала ни слова.

* * *

Вечером, собираясь идти в порт, она зашла в магазин, и какой-то шустрый ремесленник, продираясь через очередь, сказал ей:

– Дай-ка пройти, бабушка!..

Всю дорогу Полина Ивановна вспоминала эти случайные слова и грустно улыбалась: «Вот шельма парень, да какая же я тебе бабушка!.. Меня вон еще на траулер пригласили, а ты – бабушка, говоришь...»

Придерживая мужнин рундучок, куда свободно поместились ее небогатые пожитки, тетя Поля проходила по темным улицам и мысленно прощалась с городом. Она любила эти суровые берега, любила залив, всегда заставленный кораблями, любила этот ветренный город, с которым у нее так много связано – и дурного и хорошего.

Вон там качался линкор «Чесма», и в трюмах его томились матросы; а вон там, где висится сейчас башня метеостанции, бродила она по берегу и, плача, заживо хоронила своего мужа. На месте Междурейсового дома раньше кисло болото, и однажды корова завязла в нем так, что мужики бились-бились над ней, да так и махнули рукой: «Нам, буренушка, тебя не выгастить...» Здесь она любила собирать морошку, и куропатки выпархивали у нее из-под ног, дикий олень как-то боднул рогами лукошко с ягодами. Сейчас на этом уголке стоит Дом культуры рыбаков, в котором тетя Поля впервые в жизни побывала в театре, впервые ощутила вкус к книге, понятие о которой раньше связывалось в ее сознании с Евангелием, Четырьмя минеями да «Плачем Иосифа Прекрасного, егда продаша его братия во Египет...».

– Гражданка, куда вы? – остановили ее в проходной конторе Рыбного порта.

– На «Рюрик». Вот и документы...

Пока ей выписывали пропуск, тетя Поля тоскливо осматривалась по сторонам. Сколько раз она просиживала в этой конторе, ожидая, когда вдали раздастся призывный гудок «Аскольда». Потом, окруженная рыбаками, спешила к причалу – радостная, веселая...

– Спешу, – сказали ей, вручая пропуск. – «Рюрик» скоро отшвартуется.

У самого борта «Рюрика» фыркал портовый паровозик, люковицы корабельных трюмов светились желтоватым огнем, шуршал в лотках сыпаемый в бункера уголь – шла погрузка. Тетя Поля перепрыгнула на палубу, кто-то поддержал ее за локти:

– Эдак, хозяйка, и в воду угодить можно... Держи сундучок-то, кого тебе?

Тетя Поля, поправляя сбившийся на сторону платок, объяснила, что она назначена сюда рыбным мастером, и матрос направил ее к штурману.

– Это к Анастасии Петровне, – сказал он.

В небольшой ярко освещенной каюте сидела, склонившись над картой, молодая бледнолицая женщина с нашивками штурмана тралового флота на рукавах кителя. Отложив транспорт, она встала при появлении тети Поли и, внимательно выслушав ее, сказала:

– С капитаном познакомитесь в море, сейчас уже некогда. Надо принять на борт десять тонн соли, перец и лавровый лист... Когда машины подъедут, передайте боцману от моего имени, чтобы он освободил одну стрелу на фок-мачте для погрузки соли. Можете идти.

«Молодая, а строгая, – думала тетя Поля, выходя из каюты. – Поручение дала, руку пожалала, а нет того, чтобы улыбнуться человеку...»

– Я вот тебе, Сашенька, кой-чего принесла, – сказала она, входя в салогрейный отсек. – Настасья твоя не придет, время уже позднее, да и на вторую смену весь цех оставили...

Корепанов, почерневший лицом после перехода через Новую Землю, копался в изгибах змеевика своего аппарата. Встретил он ее приветливо:

– А, тетя Поля, здравствуй, дорогая!.. Значит, к нам? Ну ладно, буду подчиняться тебе, ведь ты рыбный мастер, начальство...

– Ох, Сашенька, – призналась тетя Поля, – с рыбой-то я справлюсь, а вот сейчас помоги мне... Что такое фок-мачта знаю, но какая такая стрела – забыла. Убей – не помню.

– Не горюй, боцманша, – весело отозвался матрос, – всему научишься. Народ у нас добрый...

Тетя Поля успокоилась; знакомая по «Аскольду» корабельная теснота заставила ее подбаться, она застегнула ватник, пожалела, что нету у нее никаких рукавиц, – хорошо бы иметь брезентовые...

– Ну, отвоевался? – спросила она.

– Да вроде нет, – улыбнулся Корепанов. – Сюда пришел из госпиталя, меня сразу на спаренную пулеметную установку назначили по боевому расписанию... Так что постреляю еще.

– Меня тоже в расписание это включают?

– А как же! Рыбный мастер по тревоге должен у пожарных насосов стоять...

– Так, так, – призадумалась тетя Поля и вынула из ушей серьги: не до красоты теперь, коли в боевое расписание включают. – Слабого-то полу, – спросила она, – много на «Рюрике»?

– Да хватает.

Сверху крикнули:

– Рыбный мастер пришел?.. Соль привезли!

На палубе царила суматоха, и боцман (лица его тетя Поля так и не разглядела в потемках) отрывисто бросил на ходу:

– Сам знаю, какую стрелу под соль! Вон уже грузят!..

Длинная рука стрелы, подхватив с берега груз, опускала его в трюм; заглушая голоса людей, грохотала лебедка.

– Кто здесь рыбный мастер? – спросил взъерошенный человек в кожанке, появляясь на палубе. – Ты?.. Ну, давай расписывайся...

– В чем? – спросила тетя Поля.

– Как в чем?.. За соль, перец и лавровый лист. Вот здесь пиши... На карандаш, держи!..

– Не-е-ет, милый друг. Я глазами хочу посмотреть... Может, вы мне вместо соли земли наложили, а я – расписывайся?

Тетя Поля спустилась в трюм, вспорола мешки. В трех лежала искристая соль хорошего качества, но в двух...

– Эй, эй! – крикнула она через люк. – Поди-ка сюда, я тебя носом ткну...

С палубы послышались ругань, голос рассерженного хозяйственника.

– Эй, Васька, погоди отъезжать, тут дело есть... С бабой свяжешься, так не рад будешь...

Ну, чего тебе тут? – грубо спросил он, неумело спускаясь по трапу.

– Какая же это соль? – сказала она, пересыпая в горстях кристаллы грязного цвета. – Под рассол огуречный она стодится, а нам рыбу солить надо... Два мешка, как хочешь, не принимаю.

– Тьфу, будь ты!..

– А ты не плюйся, – мгновенно построжала тетя Поля. – Не в пивной, а на судне находишься. Ты пришел и ушел, а для нас это дом наш родимый... Я вот тебе плюну! Так плюну...

– Да ты кто такая?

– Будто сам того не ведаешь! Мастер я рыбный, и возьми свой карандаш обратно. Ишь, скорый какой, прилетел: расписывайся! – передразнила она его. – Я еще, погоди, еще соль проверю...

– Черт с тобой, проверяй, – обозлился хозяйственник. – Все равно без соли в море не уйдете. А я вам ее дал и – точка!..

– Это верно, что без соли не уйдем, – мирно согласилась боцманша, с мужской сноровкой подтягивая мешки к дверям трюмного склада. – А вот тебя потрясти надо. Устроился в тылу, брюхо растишь. В море бы тебя – туда, где наши мужья головы свои за нас сложили.

– Эй, Васька, – осатанев, заорал хозяйственник. – Не слышишь, что ли, дьявол?..

– Чего? – раздалось сверху.

– Брось сюда пару мешков с солью!..

Мешки тяжело шлепнулись о настил трюма. Тетя Поля тут же проверила их содержимое и только тогда сказала:

– Вот теперь распишусь... Число-то сегодня какое?.. Четырнадцатое как будто...

* * *

За полчаса до отхода на траулер пришел Дементьев. Главный капитан флотилии сразу поднялся в рубку, чтобы вместе с корабельным начальством обсудить план предстоящего рейса. Погрузка уже закончилась, матросы прибирали палубы, задраивали люки трюмов, чтобы в них не попала штормовая вода.

Тетя Поля занялась наведением порядка в своей каюте, когда раздались звонки аврала. Захлопнув свой сундучок, она вместе с матросами выбралась на палубу. Дементьев уже стоял на причале: он что-то хотел сказать на прощанье, но по трапу влетел на полубак боцман, исступленно крича:

– Отдай запасные швартовы!.. Выноси кранцы за борт!..

«Ну и глотка, – подумала тетя Поля, – у моего такой не было. Тихий он был, господи», – и она вытерла неожиданную слезу. Темнота вдруг стала угнетать ее, захотелось света, и неясная тоска шевельнулась в душе. Единственный человек из провожающих был знаком ей, но не видел ее; тогда она сама подошла к борту, крикнула:

– Генрих Богданович, до свиданья!..

Главный капитан узнал ее, протянул руку:

– Полина Ивановна?.. Извините, как-то совсем из головы вон, что вы на «Рюрик». Ну, желаю вам!..

Взревел гудок, звякнул телеграф.

– Есть отдать носовые! – снова заорал боцман, и форштвень поплыл от причала в сторону, разделяемый быстро растущей пропастью между кораблем и берегом...

Потянулись берега. Темные, на первый взгляд даже безлюдные. Чаек не было слышно – налетались за день, спят. Из кочегарки доносился звон топочных заслонок, шипение раскаленного шлака, заливаемого водой.

На мостике звучал чистый женский голос:

– Так держать!.. Левее два градуса!.. Выходить в створ мыса Белужьего...

– Анастасия Петровна командует, – сказал Корепанов, подходя к тете Поле.

– Строгая-то она какая, – осуждающе выговорила мастер, – даже не улыбнется ни разу...

Чего она так?

Помогая пожилой боцманше спуститься по крутому скобтрапу, салогрей не сразу ответил:

– Причина есть. Может, про «Туман» слышала?

– Ну а кто из мурманчан не слышал?

– Так вот, Анастасия Петровна – жена как раз того самого командира «Тумана».

– Да что ты?!

Тетя Поля знала, что сторожевик «Туман» принял однажды неравный бой. И когда «Туман» уходил под воду, на его палубе до последней минуты стреляло орудие, у которого метался одинокий матрос. И этот последний, оставшийся в живых матрос держал в поднятой руке корабельное знамя. Командовал этим кораблем капитан-лейтенант Окуневич.

– И вот, понимаешь, – рассказывал Корепанов, – как только она узнала о гибели мужа, так сразу сюда приехала. Вытребовала у Дементьева разрешение сдать экстерном экзамен на штурмана, получила диплом... Слышишь, ведет корабль?

– Бедная, – сказала тетя Поля, – ведь часа-то через два мы над тем местом пройдем, где «Туман» лежит...

– Да, нелегко, – согласился матрос.

Придя в свою каюту и прислушиваясь к размахам корабля, тетя Поля горестно размышляла: «А и то легче, чем мне, она хоть знает правду-матку, не сравнишь с моим положением... Что я ведаю?.. Которым дал бог вернуться – вернулись, а вот мой, сердешный, может, и жив еще, да что толку... мается где-нибудь на чужой стороне... Господи!..»

Первая океанская волна, набежав с севера, грубо толкнула траулер. Он выпрямился, во всех его коридорах лязгнули распахнутые двери, упало что-то тяжелое.

– Ишь как! – сказала тетя Поля, закрывая свою каюту; потом она погасила свет, откинула броняжку иллюминатора. – Что-то и берега не видать... Тьма одна... Вон он, кажется... Ну, прощай, родимый, прощай, ласковый! Мужа провожал, теперь меня провожаешь...

Траулер, стуча машиной, уходил в тревожный океан.

Смятение

– Эй, капрал, поднимай людей!..

– Куда?

– Там увидишь...

Ориккайнен сонно взглянул на часы – середина ночи. За окном качаются на ветру кусты, разбрызгивая с ветвей капли дождя. Где-то вдалеке пулемет сосредоточенно дробит тишину.

– Все еще дрыхнете? Почему до сих пор не встали? – Суттинен появился в дверях, нервно постукивая себя плетью по голенищу сапога. – Быстрее, быстрее, капрал!..

Через полчаса рота уже находилась на марше. Шли молча, растянувшись по лесу длинной узкой колонной. Ночь была душной, дождь не освежал. Но еще никто не знал, куда идут, зачем. Солдаты досадовали на этот неожиданный подъем; многие даже забыли в своих землянках котелки, кружки.

Олави шел рядом с Ориккайненом:

– Слушай, Тепшо, куда нас гонят?

– А откуда я знаю...

– Ну а все-таки?

– Да вроде к старой границе...

– Во взводе Хаахти солдаты говорят, что, наверное, война закончилась. Так быть не может, капрал?

– Наверяд ли.

– Вот и я так думаю.

Издалека донесся звук сигнала – это Суттинен приказывал подтянуться отставшим. Потом капрал уловил плеск воды и, жадно втянув ноздрями воздух, сказал:

– Река... нет, озеро! И дымом пахнет...

Он не ошибся: впереди лежало стиснутое покатыми гранитными берегами небольшое озеро; лейтенант Суттинен уже руководил посадкой на плоты, которые готовился тянуть старенький допотопный буксир.

– Путь знакомый, – сказал Ориккайнен, когда озеро кончилось и плоты втянулись в устье широкой реки. – В полдень доберемся до Киантаярви, а оттуда и до железной дороги недалеко...

– Так, выходит, на юг? – спросил Олави.

– Выходит, да...

Весть о том, что рота перебрасывается к югу, мигом облетела плоты. Солдаты заволновались. Хаахти, осторожно ступая по бревнам, между которыми бурлила вода, подошел к Ориккайнену:

– Это ты сказал, что плывем к югу?

– Я.

– Ох, и влетит же тебе от Штумпфа!

– За что?

– За то, что панику наводишь.

Ориккайнен, подложив под голову ранец, лежал на краю плота; его толстые ноги и руки были раскинуты – капрал отдыхал.

– Иди к черту! – вяло отозвался он. – Глаза-то есть, так смотри – вон солнце откуда восходит, а река эта впадает в Киантаярви с севера... Куда плывем, по-твоему?

– Ну ладно, – согласился Хаахти, – только что же нам там делать? – и он махнул рукой к югу.

– А ты это у Штумпфа спроси, – уклончиво ответил капрал и закрыл глаза.

Лесистые берега обступали реку, которая, казалось, где-то вдали смыкается наглухо. Отплывавшая горячим паром и забрасывая солдат хлопьями сажи, буксир переползал через отмели, пересекал бесчисленные озера, снова втягивался в затерянные на картах реки. Редко-редко проплывет мимо серая деревушка, еще реже встретится на берегу человек, и все леса, леса, леса...

Вот из этой-то гущи и следили за плотами неусыпные строгие глаза «лесных гвардейцев». Они чувствовали: в стране Суоми что-то произошло, но что – еще не знали, как не знали того и плывущие на плотках солдаты.

* * *

На первой же станции, куда они выбрались, царила паника. Запасные пути были уже забиты эшелонами; в ушах стояли лязг буферов, крики маневренных паровозов, ругань, свистки, повсюду царила неразбериха. Совершенно неожиданно начинали пятиться назад вагоны, под колесами сновали обалдевшие от беготни сцепщики, и пока рота Суттинена переходила пути, нескольких человек чуть не раздавил вынырнувший откуда-то локомотив.

– Нет, капрал, – сказал Олави, – война все-таки, наверное, закончилась... Иначе с чего бы все это?..

– Эй! – крикнули им из окна одного вагона. – Откуда вас сняли?

– Из-под Кестеньги, – ответил Олави. – А вас?

– Мы из Масельской группы. Нас две дивизии – вторая и пятая. Говорят, что с рубежа реки Свирь тоже снимают... три дивизии. Спешно!

– Что случилось? – спросил Хаахти.

– А вы разве еще не знаете?

– Нет, не знаем.

Солдат невесело рассмеялся, обратясь в глубину вагона:

– Кто хочет посмотреть на дурака, который еще ничего не знает?

Окна сразу облепили любопытные головы.

– Ха! Вот дурак!.. Сразу видно, что из-под Кестеньги! Просидел в лесу и не знает, что русские начали наступление!..

Проломившись в тесные двери вокзала, Суттинен сразу включился в толпу офицеров, которая осаждала начальника станции.

– Нет вагонов, нет! – клятвенно складывая у груди руки, хрипел путеец. – Господа, поймите, вагонов нет, полотно забито... Если так будет продолжаться дальше, образуется пробка...

Ему не давали говорить, прижимали к стене, трясли перед ним какими-то бумагами. Суттинен с трудом выбрался из этой толпы, отозвал в сторону одного вянриikki с университетским значком на груди.

– Рассказывайте, – сказал он. – Я сам еще ничего не понимаю толком...

Вянриikki рассказал примерно следующее: 9 июня русские начали штурм «Карельского вала». В течение нескольких часов на финские позиции были обрушены тысячи и тысячи тонн металла. Защитники новой линии Маннергейма в первый же день штурма потеряли семьдесят процентов своего состава. На следующий день пошли в атаку советские танки, окончательно прорвавшие первую линию обороны. Но осталась еще вторая – самая сильная, получившая название «Ожерелье смерти», – железобетонные колпаки дотов торчат там из земли один к одному, словно шляпки грибов в «ведьмином кольце».

– Сейчас, – закончил вянриikki на прекрасном немецком языке, – все сводится к единой цели: удержать Виипури. Надо думать, на подступах к нему русские захлебнутся в крови.

Суттинен достал пистолет и с хладнокровием, какое появлялось у него в минуту нервного возбуждения, выстрелил в потолок – наступила осторожная тишина.

– Господа офицеры, – резко воскликнул лейтенант, пряча пистолет в карман шинели. – Начальник станции не виноват. Давайте сами поможем ему. События требуют от нас спокойного решения вопросов... Вот этот состав, что стоит у самого перрона, готов к отправке?

– Готов, – ответил путеец.

– Тогда почему же он стоит?

– Впереди находится один вагон с целлюлозой.

– Надо убрать его на запасные пути.

– Но запасные пути уже забиты.

– Расчистить!

– Для того, чтобы их расчистить, херра луутнанти, требуется убрать этот состав у перрона, о котором вы говорили вначале...

– Черт возьми! – вскипел Суттинен. – Я не диспетчер, я солдат, и, если это нужно для целей войны, я скovyрну вагон с целлюлозой под откос!

Так и сделали. Мешавший вагон столкнули с насыпи, и вторая дивизия Масельской группы начала свой путь; вдогонку за ней двинулась пятая. Станция заметно опустела, на запасных путях скоро остались только теплушки и задыхающийся паром локомотив какого-то акционерного общества гранитных разработок. Его впрягли в наспех составленный эшелон, и два взвода – один Ориккайнена, другой Хаахти – очутились в тесной вонючей теплушке.

– Ничего, доедем, – сказал Суттинен, решивший в этот день не пить водки и быть поближе к своим солдатам. – Доедем и устроим большевикам кровавую баню. Перкеле! Они зароятся в землю, эти проклятые руссы, и пролежат до следующего года. Это не так-то легко – встать под огнем наших дотов... Капрал, ты сидел в «зимнюю кампанию» вместе со мной в доте «Миллионном» – ты, конечно, не забыл, как покраснел перед амбразурами снег, когда москали пошли в атаку!..

Ориккайнен молча кивнул, и Суттинен, запустив руку под ворот мундира, чтобы нащупать амулет, продолжал:

– Ха! На этот раз русским не видать нашего Выборга. Город превращен в крепость, недаром на его гербе изображена Viipurin Linna¹. Помните, наконец, заверения отца нашей социал-демократии – Таннера... Я говорю вам – вспомните, ибо мне известно, что некоторые из вас надеются на сепаратный мир с большевиками. Но ведь не за тем Таннер объехал дружественную нам Европу, заверяя, что не может быть никаких разговоров о сепаратном мире! И мы должны подтвердить оружием свое желание идти в одном строю с немцами...

Когда паровоз брал воду, Суттинен выпрыгнул из теплушки, пошел в офицерский вагон. Олави с бутылкой молока в руке остановился в распахнутых дверях. С хрустом разгрызая «фанеру» и запивая ее молоком, солдат усмехнулся.

– Тепло, – позвал он, – посмотри, кто нас охраняет... Бояться, что разбежимся!

На перроне, выстроившись в безупречно ровную шеренгу, стояли немецкие солдаты. Их плоские штыки светились тускло и мрачно. Лица гитлеровцев, наполовину закрытые козырьками касок, белели смутными пятнами. Немцы стояли на досках перрона твердой, уверенной в своей силе стеной и не шевелились...

Вдали замер гудок. Поезд тронулся. Олави одним глотком допил молоко и, злобно выругавшись, запустил бутылкой в немецкого фельдфебеля, стоявшего на правом фланге.

– Пой, ребята, – отчаянно сказал он, и на глазах у него блеснули слезы. – Под стенами Viipurin Linna наша песенка будет спета...

Расшатанные войной теплушки скрипели, стонали, качались. Дверь не закрывали, и в ее громадном квадрате все время виднелись бегущие назад деревья, озера, скалы. Паровоз, над-

---

¹ Выборгская крепость.

рываясь на подъемах, трубил протяжно и гулко. Летели, пропадая вдаль, белые свечи верстовых столбов...

И солдаты, забив своими потными телами ряды нар, тоскливо и хрипло выводили:

– Прощай, горит уже восток...
«Ох, ах! я люблю».
– Капрал трубит нам, слышишь, в рог?..
«Ох, ах! не пуцу».
– Пусти, и писем с фронта жди...
«Ох, ах! вести нет».
– Разбудят ветры иль дожди...
«Ох, ах! много лет».
– А весть дурную принесут...
«Ох, ах! сельский поп».
– И утешать тебя придут...
«Ох, ах! лягу в гроб».
– Ложись, но лишь не изменяй...
«Ох, ах! в сердце страх».
– И прошумит над нами май:
«Ох, ах! Ох, ах!»

На одной станции эшелон разорвали и потом снова соединили, поставив в центр состава два громоздких тюремных вагона. В них отправлялись на фронт арестанты с острова Kaarmesaari и русские военнопленные.

– Смертники, – сказал о них Олави. – Пошлют всех под огонь или заставят вытаптывать минные поля... Знаю, как это делается!

Поезд стоял – его задерживали проходившие на юг платформы с тупорылыми шведскими гаубицами. Капрал вышел на перрон. Сразу за станцией начинался лес. Пыхтение паровоза отдавалось в чаще громким эхом. Из трубы барака, стоявшего неподалеку, вился дымок. Окна белели занавесками, и за красными цветами герани ощущался уют, присутствие женщины, еще что-то – тихое, домашнее...

Ориккайнен в тяжелом раздумье закурил, остановился около тюремного вагона. Источенные, оборванные люди мгновенно облепили железную решетку, крича наперебой:

– Эй, капрал, дай хлеба!..
– Эй, капрал, куда нас везут?..
– Эй, капрал, оставь покурить...

Ориккайнен протянул дымящуюся самокрутку к решетке, но из окна офицерского вагона высунулся толстый багроволицый капитан и сказал:

– Вот только дай!.. Я тебе отрежу руку вместе с окурком...

И, услышав этот голос – голос капитана Картано, заключенные разом отхлынули от решетки, словно их обожгла струя пулеметной очереди.

– Что там случилось? – спросил Штумпф, перебирая в измазанных маслом пальцах части разобранного парабеллума.

Картано грузно отвалился от окна и, сбывчив налитую кровью шею, сел в углу.

– Ерунда! – густо выдохнул он, заразив все купе сивушным перегаром. – Просто мои ребята хотят курить, а я не даю... Решил... ха-ха!.. решил беречь их здоровье... Ха-ха!

– Говорят, – произнес Суттинен, не улыбаясь, – что Гитлер обещает нам поддержку в авиации и танках, только бы мы не выходили из войны...

Колыхаясь всей своей рыхлой фигурой, Картано беззвучно рассмеялся:

– А кто сказал, что мы собираемся выходить?.. Сейчас не сороковой год, и русские знают, что, если бы не мы, финны, блокада Пиетари была бы прорвана ими раньше. Разве русские простят нам это?

Штумпф молчал; он не любил вмешиваться в разговор финских офицеров; сейчас обер-лейтенант думал о другом: «Русские не простят вам, но меня тоже не помилуют, если застанут в таком обществе, как этот хам капитан и этот лейтенант... Надо не быть дураком, надо при первой же возможности пробиться к своей армии, в Лапландию...»

– Мне кажется, – сказал он, собрав пистолет, – следовало бы усилить охрану состава. Да и на паровоз посадить кого-нибудь, чтобы поторапливал. Не разбежались бы!..

– Это верно, – согласился Суттинен. – Эй, капрал, – крикнул он, высовываясь из окна, – пойди-ка сюда... Выдели двух человек с пулеметами: один пусть дежурит на конечной площадке последнего вагона, а другой... Хотя – нет, лучше сам поезжай в хвосте, а Хаахти пусть следит за машинистами... Солдатам я не совсем доверяю, – добавил лейтенант, снова садясь рядом с Картано, – а вот капралы у меня надежные...

Когда Ориккайнен стал устанавливать пулемет на площадке последнего вагона, пожилой проводник недовольно буркнул:

– А это еще зачем?

– Не твое дело, – нахмурился капрал. – Сиди и помалкивай.

– Я вот и сажу...

Поезд тронулся. Панорама станции в тамбурном окне поплыла вдаль, потом ее быстро сменили картины дремучего леса, и проводник сказал:

– Как хорошо без тебя было! А ты пришел, сразу весь тамбур солдатчиной провонял...

Доставая из кармана смятую пачку дешевых папирос «Tuomies», капрал слегка улыбнулся:

– Тебя бы туда, откуда молитвы до бога не доходят. В болота кестеньгские – сгнил бы там, даже не воняя...

– Может, закурить дашь?

– Бери.

– Ишь ты, щедрый какой! А я тут одного вашего капрала просил, так он не дал...

Вечерело. Быстро сгущались сумерки. Рельсы плавно выбегали из-под колес, рябило в глазах от мелькания шпал, вагон трясло и мотало. По бокам насыпи мутно желтели заросли куриной слепоты, качался в кюветах камыш, под грохочущими мостами кипели речные пороги. Иногда эшелон вползал на возвышенность, и тогда, задержанная легкой дымкой росных туманов, вся Суоми открывалась перед взором капрала...

– Что, красиво? – спросил его проводник.

– Не мешай, – ответил Ориккайнен, – дай подумать.

– Ну думай. Смотри на нее и думай!..

* * *

О дивная страна Суоми!..

Покойны и прекрасны твои озера, в которых плещется красноперая рыба; строен и величав твой лес, где люди ходят по одной тропинке с медведем и лисицей; а как душисты твои покосы, как глубоки твои снега, по которым бегут выносливые лыжники!..

Ты ищешь величия, Суоми, в войне. Но разве не твой народ взлелеял эту скупую землю, чтобы собирать среди камней обильную жатву? Разве это не твои сыны с песнями рубят лес и ставят на берегах рек кряжистые избы, в которых уют и любовь? Разве не твои рыбаки выходят в утлых челнах на середину штормовых заливов, чтобы достать со дна богатый улов? Разве не твои предки, Суоми, натянули на кантеле певучие струны, которые пели о смелых героях?

Так зачем же, Суоми, ты ищешь величия в треске автоматов и столах солдат, если ты велика и так – в красоте своей, в трудолюбивом народе своем?..

* * *

– Стрелять будешь? – неожиданно спросил проводник.

– Куда стрелять? – вздрогнул капрал, очнувшись от своих мыслей.

– А вон... видишь?

Ориккайнен вдруг увидел, что на шпалах между рельсами лежат фигуры каких-то людей.

– Что это? Никак... – и капрал замолчал.

Эшелон, дергаясь вагонами на поворотах, продолжал пожирать расстояние, а на его пути оставались лежать люди, пропустившие над собой весь состав. Только сейчас капрал заметил, что рельсы лоснятся, словно смазаны салом. Кровь! Но – нет: вот один встал, вот еще... Бегут, скрываются в лес...

– В тюремном вагоне, – тихо сказал проводник, – пол разобрали... Так иногда делают, когда терять уже нечего...

Вцепившись в рукоятку пулемета, Ориккайнен смотрел, как убегают вдаль окровавленные рельсы, как выбрасываются под насыпь ошметки человеческих тел, и на его лице – суровом лице солдата – появлялось что-то вроде улыбки каждый раз, когда он замечал, что еще один смертник скатывался под откос.

– Человек двадцать живы, – сказал проводник. – Ну, а десять... отправились посмотреть Туонельского лебедя...

Капрал оставил пулемет, взял железнодорожника за плечо и сильно встряхнул.

– Ты ничего не видел, – яростно прошептал он.

Их глаза встретились.

– Я уже старый, – сказал проводник, – мог и не заметить...

Капрал отпустил его и, ухватившись за поручни, перевесился наружу тамбура. Гудел паровоз, впереди мигал огонь семафора – приближалась станция.

На этой станции их ждало новое известие – русские сбили с оборонительных рубежей прославленную в боях армейскую группу «Аунус». Эшелон, спешивший к Выборгу, срочно поставили под разгрузку, и солдаты на автомашинах поехали к месту новых сражений – в глубину перешейка, отделяющего Онежское озеро от Ладоги.

Ориккайнен слышал, как Суттинен, залезая в кабину грузовика, говорил на прощанье Картано:

– Этого я не ожидал. Если удары русских будут следовать в направлении с юга на север, то следующий удар придется на Масельскую группу. Тогда, спрашивается, за каким же чертом нас сняли с позиций, если Кестеньгский участок стоит в очереди за масельцами...

«А ведь верно», – подумал капрал, и, когда машина отъехала, он увидел, что капитан Картано погрозил ему вслед кулаком.

– Иди к черту! – сказал капрал, и солдаты так и не поняли, кого он выругал...

Фронт, в близость которого никто еще не верил, неудержимо накатывался на автоколонну толпами беженцев. Богатые мужики злобно стегали лошадей по оскаленным мордам, на телегах дребезжала домашняя утварь, бежали следом, высунув языки, громадные волкодавы, бляели козы, женщины с растрепанными волосами понукали детей. А потом, застилая леса желтой гарью, поплыли дымь пожаров, потянулись первые раненые. Их черные, словно обугленные, лица были искажены болью и ужасом пережитого...

Застрявшие в этом потоке машины остановились, и Олави сказал:

– Дым... Проклятый дым! Пить хочется, а фляга пуста... Пойду отыщу колодец...

Он дружески хлопнул Ориккайнена по плечу, перекинул на живот «суоми» и скрылся в густой толпе.

Больше его никто не видел...

* * *

Никли под солнцем некошенные травы, густо ходила в озерах нагулявшая рыба, гнили в лесах штабеля бревен, зарастал мхом узорный гранит каменоломен, и над страной Суоми гулял ветер – ветер нищеты, разрухи, печали и смятения.

И, не сводя пальца с курка автомата, обходя селения, просыпаясь по ночам от птичьего вскрика, финский солдат Олави – по лесам, по горам и болотам – возвращался к своей семье.

Друзья встречаются

– Эх, Поленька ты моя, Поленька, – вздыхал Антон Захарович Мацуга, – посмотрела бы ты на меня сейчас, не узнала бы своего старика...

Давно ли мичман в концлагере, всего каких-нибудь полтора месяца, а в стариковское тело уже закрался страшный бич севера – скорбут...

Антон Захарович потрогал пальцами разбухшие десны, злобно плюнул на пол:

– Конечно, она самая – цинга. Где же ей не быть, коли суп и тот на морской воде варят.

– Известное дело, – ответил сосед Семушкин, – на здешней помойной яме и ворона не наестся, вон соли и той жалеют.

– Охо-хо! – сокрушенно вздохнул старый боцман и устало закрыл глаза.

Много пришлось пережить ему в «политише абтайлюнге», когда враги узнали, что перед ними не комиссар «Аскольда», а простой боцман-сверхсрочник, которому дано право носить офицерский китель и фуражку. Но его не расстреляли, а отвезли в Эльвинесский концлагерь, расположенный на берегу Бек-фиорда, недалеко от Киркенеса. В городе боцман бывал до войны, куда «Аскольд» отводил одно норвежское судно, потерпевшее аварию в море. Если смотреть в окно барака, то через густую паутину колючей проволоки можно было разглядеть знакомые улочки, по которым Антон Захарович бродил когда-то, а норвежцы, завидев русского, еще издали снимали шляпы и кричали: «Совет! Россия!..»

Впрочем, население Киркенеса мало изменилось. Каждую субботу жители города передавали пленным хлеб и соленую рыбу-фишку. Распорядившиеся дележкой лагерные эсэсовцы лучшую часть продуктов забирали себе, чтобы отправить посылкой за море в Германию, а остатки разносили по баракам.

Сначала мичман был послан на каторжные работы в штейнбрух – большую подземную каменоломню, где добывался точильный камень. Потом немцы, убедившись в том, что из него работник плохой, навесили на грудь Антона Захаровича синий крест, означавший скорое переселение мичмана в барак для больных, так называемый «ревир»-лагерь. Этот синий крест ставил жизнь боцмана под угрозу, ибо каждый, кто попадал в барак для больных, обратно уже не возвращался. Незаметно подкралась цинга, подтачивая изнутри слабый старческий организм.

«Хоть бы травы какой-нибудь найти», – думал Антон Захарович, выходя на территорию лагеря, но кругом лежал голый полярный камень-гранит, и – ни травинки...

Мацуга не заметил, как заснул, и проснулся, разбуженный густым, сочным голосом Саши Кротких – общего любимца военнопленных. Этого красавца матроса, умудрявшегося даже в условиях концлагеря сохранять невозмутимый щегольской вид, побаивались не только охранники, но и эсэсовцы. Саша Кротких был человеком отчаянной смелости. Три раза немцы предлагали матросу поступить к ним на службу, а он три раза совершал побеги, побывав во всех концлагерях Норвегии. Три раза он был приговорен к смерти, но немцы почему-то не расстреливали его, очевидно, еще надеясь на то, что Саша Кротких «одумается» и поступит к ним на службу.

Сейчас матрос сидел на нарах с Семушкиным, который рядом с его могучей фигурой казался тщедушным и хилым, и говорил:

– Это ничего, что меня три раза ловили. Меня, брат, не удержишь, я парень упрямый, больше всего свободу люблю. Все равно до своих доберусь!..

Увидев, что Мацуга открыл глаза, Саша Кротких хлопнул его по колену и предложил:

– Во! Составляй мне, старина, компанию...

Антон Захарович сел, потирая колено, занывшее от тяжелой руки Саши.

– Плохой я тебе товарищ. В молодости и я бегал, как ты, даже посмелее твоего. В интервенцию в трюмах линейного корабля «Чесма» сидел, вот попробовал бы ты оттуда вырваться!..

Неожиданно, взвизгнув ржавыми петлями, распахнулась дверь барака, и в ее четком квадрате, над которым висела жирная надпись: «Одна вошь – твоя смерть», выросла фигура старосты барака – блок-эльтестера Генриха Фильцхаута.

– Эй, вы, бездельники! – крикнул эсэсовец еще с порога. – Стройся на работу, требуется десять человек для ремонта дороги. Подвяжите свои ботсы, ребята, идти придется далеко! А ну, шевелись!..

Через полчаса, с лопатой на плече, Антон Захарович уже шагал по гудрированному шоссе дороги Киркенес – Польшмак. Рядом с ним шли Саша Кротких и солдат Семушкин. Партию пленных охраняли два финских шюцкоровца во главе с Фильцхаутом.

Небо было безоблачно и приятно ласкало глаза своей ясной синевой. На болоте плакала тундровая выпь, солнце садилось за вершины сопков, окрашивая в розовый цвет маслянистый гудрон дороги. Серовато-бурый ягель, растущий на громадных валунах, свисал вниз причудливыми космами. То здесь, то там желтели в траве золотые монетки отцветающего курослепа. Скромные альпийские ясколки качались по обочине шоссе на тоненьких стебельках, запыленные и примятые автомобильными шинами.

Генрих Фильцхаут шагал медленной, ленивой поступью, держа кобуру своего парабеллума открытой и не сводя глаза с Саши Кротких. Антон Захарович следил за ними обоими и понимал, что кто-то один из них сегодня должен погибнуть. Матрос решил бежать – это было видно по его глазам, которые рыскали из стороны в сторону, измеряя расстояние между охранниками.

Мичман же вышел на работу лишь потому, что хотел собирать лажечниковой травы, которая хорошо излечивает цингу. «Где уж мне, старику, бегать», – думал он. Но теперь, приглядываясь к окрестностям и наблюдая за Сашей, он невольно заражался тем страшным спокойствием, какое бывает у людей, принимающих важное рискованное решение.

Но все случилось иначе...

Они переходили через висячий мост над ущельем. Внизу, налетая на камни, белым молоком клубилась горная река. Мост шатался под ногами. Дорога от моста сворачивала направо и была закрыта со всех сторон цепким кустарником.

Пленные вошли под свод ветвей, и в этот же момент затрещали выстрелы. Откуда стреляли – было непонятно, но стреляли метко, и блок-эльтестер первым рухнул на землю с пробитой головой. Один шюцкоровец, отбежав в сторону и встав на колени, припал к автомату, чтобы в последнюю минуту покончить с военнопленными, другой замахивался гранатой.

Все произошло так неожиданно, что боцман вначале растерялся, стоя посреди опустевшей дороги. Из этого состояния его вывела длинная автоматная очередь. Ни одна из пуль его не задела. Едва осознав это, Антон Захарович бросился к обочине, и в ту же секунду раздался взрыв гранаты. Ломая хрупкие кустарники, он упал в мягкий мох и потерял сознание...

* * *

Никонов на своих плечах дотащил аскольдовского боцмана до старинной крепости, где размещался партизанский отряд; потом спустился в подвал, куда привели освобожденных из гитлеровского плена людей.

– Встать! – скомандовал Иржи Белчо, когда Никонов появился в дверях.

Саша Кротких медленнее всех поднялся на ноги и этим сразу привлек внимание Никонова.

– А ну-ка сядь! – сказал он ему.

Саша Кротких, удивленно посмотрев на всех, сел.

– А теперь встань!

Матрос встал.

– Ну как, исполнять команды научился?
– Понял. Дисциплинка – ничего, подходящая!
– Слава богу, если понравилась, – усмехнулся Никонов. – А теперь рассказывай, как в плен попал. Да только знай: солжешь – не помилую!

– А чего там рассказывать? Затонул наш мотобот, мы в воде плаваем, а немецкий «охотник» на нас прет. Вот лейтенант и говорит: «Ребята, над вашими жизнями я не волен, каждый хозяин своей судьбе, а только я поступлю так...» Выпустил он воздух из спасжилета, пошел на дно. Потом и боцман попрощался с нами. Наконец осталось нас двое... Дальше, что ли, рассказывать, командир?

– Рассказывай, – сухо ответил Никонов.

– Ну ладно, хотя и тошно вспоминать это... Осталось нас, значит, двое: я и Федюнька. Обнял он меня и говорит: «Ну, Сашко, я последним быть не желаю, прощай!» Может, не надо дальше, командир? Не тяни душу!..

– Рассказывай!

– Ну слушай... Подошел немецкий «охотник» и взял меня в плен. Вот и весь мой рассказ. Амба!

– Не понимаю! – и Никонов стукнул кулаком по столу.

– Чего не понять-то?

– Не понимаю, как ты в плен попал!

– Вот чудак, командир! – попробовал отшутиться матрос. – Ведь я только что об этом рассказал.

– Ты о другом рассказал. О том, как ты сдался в плен, вот о чем! А по законам военного времени я имею право тебя расстрелять за это, как за измену Родине, понял?

– Понял, – мотнул головой матрос.

– Ну, тем лучше для тебя. Вот давай пойдем, и я тебя расстреляю.

– Сейчас?

– Да.

– Эх, командир, даже одного дня на свободе пожить не даешь?

– Некогда мне, – сурово ответил Никонов, заталкивая в пистолет обойму, – вон видишь, сколько вас, и с каждым разобраться надо...

Семушкин, покачав головой, растерянно протянул:

– Вот это да!..

– Чего – да? – на корявом русском языке ответил ему Белчо. – Обожди, и до тебя доберемся...

Саша Кротких побледнел, подошел к Никонову вплотную.

– Здорово же ты разбираешься, правых и виноватых – всех в одну кучу валишь!

– Лес рубят – щепки летят... Пошли!

Вышли. Закурили.

– Хорошие сигареты, – похвалил Саша.

– Ничего, курить можно, – согласился Никонов.

Крепость осталась далеко позади. Высокий кустарник скрывал ее.

Остановились.

– Здесь? – спросил Саша Кротких.

– Можно и здесь.

– Ну, тогда стреляй... Или жалко стало?

– И не подумаю жалеть. Поворачивайся.

Саша Кротких повернулся. Неожиданно сдавленным голосом сказал:

– Только бей в затылок. Это, брат, самое верное...

Шумели кустарники. Какая-то птица кричала в ночи.

– А знаешь, командир, почему я в плен сдался? – спросил матрос.

– Ах, все-таки – сдался?

– Ну, пусть будет по-твоему – сдался.

– Почему?

– Да это так просто не объяснишь.

– А ты – сложно, я пойму.

– Боюсь, не поймешь.

И неожиданно горячо заговорил:

– Вот потонул Федюнька Алмазов, а вода прозрачная-прозрачная. Видно, как он погружается. И лицо его кверху повернуто, и глаза его вижу. Большие такие! Вижу по этим глазам, что жить парень хочет – во как! Огляделся я тогда: сопки – белым-белы, черемуха цветет; солнце светит – такое ласковое! И чайки надо мною крыльями хлопают: «Чьи вы, чьи вы?» – спрашивают. И вот, командир, хочешь – верь, хочешь – нет, а только не хватило у меня сил с этой жизнью расстаться. А когда немцы вытащили меня из воды, я сразу решил: убегу – и три раза бегал, спроси у кого хочешь!..

– Все? – спросил Никонов.

– Все, – ответил Кротких.

– Ну, теперь поворачивайся!

– Командир, ты прав, но, может, не надо?

– Повернись.

Повернулся матрос. Заплакал.

Собрал Никонов все свои силы и с размаху ударил матроса по затылку.

Полетел матрос, ломая кустарник. Вспорхнули ночные птицы.

– Жив?

– Как будто жив, командир. Не пойму что-то.

– Ну, вставай! Встанешь – поймешь!

Встал Саша Кротких на колени перед Никоновым.

Сказал:

– Слушай, командир, если на этом все и кончится – спасибо тебе! Прав ты, командир! И прошу тебя: дай мне оружие, командир. Что ни скажешь ты мне – все исполню. На смерть пошлешь – пойду и смеяться еще буду! Только дай оружие!

– Оружия не дам! – твердо сказал Никонов. – В бой пойдешь с голыми руками. Достанешь оружие. А если что-нибудь не так, то... А теперь иди к своим и расскажи им все, о чем мы с тобой говорили...

* * *

Когда Никонов вернулся в крепость, Антон Захарович уже очнулся. Увидев бывшего аскольдовского тралмейстера, Мацута громко вскрикнул:

– Тралмейстер!.. Костя! – и попытался встать с лежанки, но Никонов почти силой уложил его снова, и старый боцман, громко всхлипывая, заплакал: – Уж мы и не чаяли тебя в живых видеть. Как же это случилось с тобой, а?

Никонов коротко рассказал о себе, сгорая от нетерпения поскорее услышать новости об «Аскольде». И вздрогнул он, когда услышал о гибели родного корабля. Закрыв глаза, увидел свой траулер таким, каким не раз он снился ему все эти годы, – выкрашенный под цвет океанской мглы, с бортами, исхлестанными волной и ветром, и он, тралмейстер, стоит у лебедки, которая вытягивает на поверхность кошель живого рыбного серебра... Значит, нет теперь «Аскольда»!..

Закончив свой рассказ, Антон Захарович спросил:

– Крепко стоишь на ногах, Костя?

– Крепко.

– Встань еще крепче, потому что я скажу тебе сейчас такое, от чего ты пошатнуться можешь.

– Ну, говори!

– Аглая твоя приехала, вот что!..

Никонов бросился к боцману, схватил его за плечи и, почти оторвав от лежанки, затряс в воздухе:

– Да что же ты молчал до этого?.. Говори, что с нею?.. Жива... здорова?.. А дочь?.. Дочь моя?.. Говори...

Одного, только одного хотелось ему в этот день – остаться с самим собой, чтобы в одиночестве передумать все, что мучило его целых два года. И до поздней ночи он блуждал по сопкам, сидел над ручьями, лежал в траве, снова вставал, снова куда-то шел...

В полночь он поднялся на высокую скалу, и перед ним в долине глубокого фиорда скрылся маленький норвежский городок. Никонов втянул полной грудью бодрящий ветер, который доносил до него запах домашних очагов, и, прыгая с камня на камень, спустился вниз. Пасущиеся на лужайке козы испуганно разбежались при появлении человека, сорвались со своих гнезд тундровые куропатки...

Пастор, открывая дверь кирки, встретил его тревожным вопросом:

– О святая Бригитта!.. Разве что-нибудь случилось?

Поднимаясь по ступенькам высокой лестницы в придел храма, Никонов обнял одной рукой пастора, а другой весело хлопнул по перилам:

– Страшнее того, что мы пережили раньше, пастор, уже не случится!..

– Тогда, херра Никонов, я еще больше удивлен вашим неожиданным визитом.

Никонов рассмеялся, пропуская Кальдевина впереди себя в узкие двери придела.

– Просто, пастор, я решил зайти к вам, как к другу. Вы действительно мой друг... К тому же я еще не забыл вкус того вина, которым вы угостили меня тогда... Помните – зимой?.. Оно пришлось бы сейчас кстати, это вино!

– Вы сегодня необыкновенно возбуждены, херра Никонов, – сказал пастор, ставя на стол бутылку с вином.

– Может быть, может быть... Я пришел сегодня к выводу, что мир слишком тесен. Друзья, как бы ни разбросала их судьба, все равно встречаются. Товарищ Улава нашла своего брата Оскара Арчера, я нашел свою жену... Выпьем же, пастор, за то, что в мире тесно!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.